

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Потоп Евгения Владимировна

РУССКИЕ И СЛОВАЦКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ: ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ОМОНИМИИ

Выпускная квалификационная работа на соискание степени бакалавра
(направление «Филология»; образовательная программа «Отечественная
филология: русский язык и литература»)

Научный руководитель: к. ф. н., доц. Старовойтова
Ольга Альбертовна

Рецензент: д. ф. н., доц. Пушкарева
Наталия Викторовна

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Введение	3
Глава I. Межъязыковая омонимия и её языковой статус	8
1.1. Омонимия: основные теоретические вопросы и проблемы	8
1.2. Межъязыковая омонимия: история изучения	12
1.3. Терминология в области межъязыковой омонимии	16
1.4. Выводы	19
Глава II. Тенденции развития семантики межъязыковых омонимов в русском и словацком языках	21
2.1. Обзор материала исследования и выбор терминологии для его описания	21
2.2. Группа омонимов позднего изменения значений	27
2.2.1. Оманимичная пара <i>наглый</i> — <i>náhly</i>	28
2.2.2. Оманимичная пара <i>блудный</i> — <i>bludný</i>	33
2.3. Группа омонимов раннего изменения значений	37
2.3.1. Оманимичная пара <i>властный</i> — <i>vlastný</i>	38
2.4. Слова-исключения	40
2.4.1. Оманимичная пара <i>вкусный</i> — <i>vkusný</i>	41
2.5. Выводы	44
Глава III. Языковая картина мира в отражении межъязыковой омонимии	45
3.1. Общая теория языковой картины мира	45
3.2. Русская и словацкая языковые картины мира: сходство и различия	51
3.3. Связь языковой картины мира с механизмом развития межъязыковой омонимии	58
Заключение	62
Список литературы	64
Приложение	70

Введение

В последнее время в науке возрастает интерес к исследованию проблематики, связанной с близкородственными языками, в частности славянскими. Развитие сопоставительной лингвистики славянских языков непосредственно зависит от степени изученности каждого отдельно взятого языка и с качеством диахронических исследований для получения более ясной картины как отдельного развития каждого из исследуемых языков, так и их взаимоотношений, связи и изменения с течением времени.

Предметом исследования в настоящей работе является межъязыковая лексическая омонимия в русском и словацком языках, иначе говоря, лексемы с одинаковым звучанием в обоих языках, но совершенно разным значением.

Вопрос межъязыковой омонимии относится к области контрастивной (сопоставительной) лингвистики. Разработка вопросов сопоставительной лингвистики имеет непосредственное отношение и к решению теоретических проблем отдельных языков, и к составлению типологий языков, и к прагматике — практике и теории перевода, обучению иностранным языкам, составлению словарей.

Несмотря на высокий интерес к контрастивным исследованиям, сопоставление лексических систем разных языков разработано меньше, чем сопоставление других языковых уровней: например, морфологического, синтаксического или фонетического. Изучение лексики и лексической семантики связано с трудностью самого предмета изучения: слова и его значения.

Глубокое изучение межъязыковых лексических омонимов (или «ложных друзей переводчика») в близкородственных языках стало активно осуществляться лишь относительно недавно. Проблема описания и исследования межъязыковой омонимии является непростой научной задачей, поскольку само определение омонимии и понимание этого термина не устоялось. Единого, общепринятого понимания того, что такое омоним, каковы границы этого понятия, какие именно лексические единицы стоит

относить к омонимам, возможно ли вообще говорить об омонимии в случае сопоставления единиц разных языковых систем, пока не существует. Вопрос о статусе межъязыковой омонимии в языковой системе до сих пор остаётся открытым.

Исследования межъязыковой омонимии в близкородственных языках проводились такими отечественными учёными, как П. П. Шуба, И. С. Ровдо, Н. В. Заславская, которые анализировали систему русского языка в сопоставлении с белорусским и украинским. Исследованиями польско-русской межъязыковой омонимии занимались З. Гроссбарт, М. Беднаж и др. Сопоставления системы русского языка с чешским и словацким проводились Й. Влчеком, Т. М. Николаевой, В. Любимовой и др.

Помимо простой фиксации случаев межъязыковой лексической омонимии в словарях и указаний на расхождение семантики слов на синхронном уровне важным является рассмотрение того, как именно и когда произошла семантическая дивергенция в исторически родственных словах. То, что слово, одинаково звучащее в двух близкородственных языках (с оговоркой на индивидуальные особенности фонетических систем разных языков), имеет различные, а порой даже и противоположные значения, является важным и актуальным для практических целей, например, для изучения иностранных языков, на это необходимо обращать внимание во избежание недоразумений с «ложными друзьями переводчика».

При этом вопрос, почему, в какой момент развития языковых систем произошло это расхождение семантики и что послужило его причиной, важен в первую очередь для решения теоретических проблем лингвистики.

Актуальность работы, таким образом, обусловлена:

- 1) значимостью результатов для теории лексической семантики русского и словацкого языков;
- 2) недостаточной освещённостью проблем семантически неадекватной омонимичной лексики в русском и словацком языках.
- 3) значимостью результатов для понятия языковой картины мира,

связью с механизмами развития и изменения значений слов в русском и словацком языках;

4) связью результатов с общими тенденциями развития семантики восточнославянской и западнославянской лексики.

Новизна работы состоит в системном рассмотрении семантической трансформации лексем — межъязыковых омонимов словацкого и русского языков, и в попытке определить основные тенденции, в соответствии с которыми происходило развитие значений выбранных для анализа прилагательных.

Полученные результаты могут свидетельствовать о наличии внутренних языковых механизмов, обуславливающих те или иные семантические изменения, которые могут быть напрямую связаны с ментальностью народа, особенностями его языковой картины мира. Результаты также могут иметь значение для определения различий в развитии языковых картин мира западнославянских и восточнославянских народов в целом.

Целью работы является рассмотрение путей расхождения значений в межъязыковых лексических омонимах русского и словацкого языков для определения общих тенденций семантических изменений прилагательных в этих языках.

Исследуются в основном родственные слова, восходящие к одному этимону. На примере нескольких пар таких омонимов делается попытка проследить их развитие, начиная с древнейшего периода, когда их значение ещё было синкретично, до современного состояния, когда оно уже разошлось.

Поставленная цель определяет следующие **задачи**:

1. Обзор научных работ по проблеме межъязыковой омонимии в целом и в славянских языках в частности и определение понятия омонима и иных спорных терминов, относящихся к сходным явлениям, применительно к данной работе.

2. Последовательное рассмотрение развития и дивергенции значений анализируемых слов по данным этимологических, исторических и толковых словарей.
3. Выявление на основании собранного материала основных тенденций развития омонимичных семантически неадекватных лексем в словацком и русском языках.
4. Обзор изучения концепции языковой картины мира (ЯКМ) в общем и применительно к русскому, словацкому и чешскому (ввиду близости этих двух западнославянских языков) в частности.
5. Рассмотрение выявленных тенденций развития лексики с точки зрения концепции языковой картины мира, определение общих черт и различий в путях развития семантики прилагательных в восточнославянских и западнославянских языках на материале русского и словацкого.

Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы и приложения.

В первой главе даётся краткий обзор изучения вопросов межъязыковой омонимии: освещается различное понимание омонимии учёными, приводятся разнообразные мнения по этому вопросу и объясняется то, как и почему была выбрана терминология для данной работы.

Во второй главе исследуются собранные материалы, приводится диахроническое исследование изменения семантики в некоторых из наиболее ярких омонимичных пар, определяются основные тенденции их развития, омонимичные пары группируются согласно выделенным паттернам.

В третьей главе кратко рассматривается общая концепция языковой картины мира, её появление и использование в научном обиходе. Освещаются работы, в которых проводилось сравнительное изучение русской и словацкой (либо чешской) языковых картин мира в разнообразных аспектах.

В приложении приводится собранный материал: исследуемые пары

межъязыковых лексических омонимов в русском и словацком языках.

В работе неоднократно даются ссылки на материалы изучения чешского языка, поскольку он максимально близок к словацкому языку по структуре, истории и особенностям формирования. В некоторых случаях материал чешского языка оказывается в большей степени изученным и доступным, чем материал словацкого языка, где многие аспекты на данный момент ещё находятся в стадии активной разработки. По той же причине мы также считаем возможным учитывать работы, касающиеся чешской ЯКМ, и сопоставлять их со словацкой ЯКМ.

Материал исследования составили слова русского и словацкого языка, которые имеют одинаковое звучание (с известной оговоркой на некоторые различия в фонетических системах этих языков), но совершенно разное, иногда даже противоположное значение. Список омонимичных прилагательных был взят из Словацко-русского словаря ложных друзей переводчика Г. Урядова¹. Не все исследованные слова подробно описываются в настоящей работе ввиду её большого объёма: для иллюстративных описаний пошагового изменения семантики берутся только наиболее яркие примеры из каждой выделенной группы.

---

¹ Урядов Г. Словацко-русский словарь ложных друзей переводчика. URL: http://38-yazikov-besplatno.ru/yazyki_i_yazykoznanie/slovackiy_yazyk/slovari_i_razgovorniki_826/22556-post.html

Глава I. Межъязыковая омонимия и её языковой статус

1.1. Омонимия: основные теоретические вопросы и проблемы

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» омонимия определяется как «звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом»¹. Соответственно, лексические омонимы понимаются как одинаково звучащие слова, в которых отсутствуют общие смысловые элементы и ассоциативная связь².

Наличие омонимов, как одним из первых подметил Л. А. Булаховский³, закономерно и естественно для любого языка. Оно обусловлено, во-первых, принципом лингвистической экономии звуковых оболочек, во-вторых, самой природой любого языка. Об этом писал и Р. А. Будагов: «Омонимы — это столь же естественное явление языка, как и полисемия»⁴. Он же утверждал, что омонимы — крайне распространённое в лексике явление и мешать друг другу они могут только в очень редких случаях. Язык сам заблаговременно устраняет омонимы из тех сфер, где они могут вызвать неудобство⁵.

Однако не все учёные в своё время соглашались с такой точкой зрения. Так, А. А. Реформатский отмечал: «Омонимы — это главным образом результат совпадений, и вряд ли правы те исследователи, которые утверждают, что образование омонимов — это обогащение словарного состава языка. Скорее, наоборот, омонимы во всех случаях — это досадное неразличение того, что должно различаться»⁶.

Такую точку зрения, как и Р. А. Будагов, ставил под сомнение Л. В. Малаховский⁷. Учёный говорил, что, хотя омонимы действительно могут вызывать помехи при общении, степень этих помех достаточно сильно

---

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 344.

² Там же.

³ Булаховский Л. А. Об омонимии в славянских языках // Избранные труды. Славистика. Русский язык. Киев, 1978. С. 320–328.

⁴ Будагов Р. А. Проблемы развития языка. М., 1965. С. 56.

⁵ Там же. С. 53–55.

⁶ Реформатский А. А. Введение в языковедение / Гл. ред. В. В. Виноградов. М., 2000. С. 94.

⁷ Малаховский Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии. Л., 1990. С. 24–25.

различается. Он предполагал, что в языке существует некий порог перенасыщенности омонимами, выше которого коммуникация может стать проблематичной. Даже в таких языках, как русский или английский, где, как принято полагать, количество омонимов крайне велико, этот порог ещё не достигнут.

Омонимия возникает по различным причинам: из-за фонетических изменений в словах, ранее звучавших по-разному, из-за заимствования иноязычного слова, звуковая оболочка которого совпала со звуковой оболочкой исконного слова, в результате естественного развития полисемии и т. д.¹ Множество разных взглядов на проблему омонимии, существующих в филологии, показывают актуальность и значимость данного вопроса.

Учёные по-разному классифицируют лексические омонимы. Приведём традиционную классификацию омонимов по форме². Здесь выделяется полная омонимия: совпадение слов, принадлежащих к одной части речи, во всех грамматических формах в звучании и написании, и неполная (частичная) омонимия: совпадение слов одной части речи в звучании и написании не во всех формах.

Рассматриваются смежные с омонимией явления, которые рекомендуется отделять от собственно лексических омонимов. Во-первых, это омоформы — слова, принадлежащие к разным частям речи и совпадающие только в одной или реже — в нескольких грамматических формах. Во-вторых, омофоны — слова, которые имеют одинаковое звучание, но по-разному пишутся. В-третьих, омографы — слова, которые, наоборот, одинаково пишутся, но по-разному звучат, что чаще всего связано с разными позициями ударения.

Несмотря на относительную ясность традиционного определения омонимии, в науке до сих пор не установилось единого её понимания. Общим ядром в понимании омонимии является признание у омонимов различного плана содержания и одинакового плана выражения (звучания

---

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. С. 344.

² Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976. С. 242.

языковых единиц)¹, хотя некоторые учёные, например, Н. М. Шанский, признавали омонимами только те единицы, чей план выражения совпадает и в звучании, и графически (в написании)².

Отсутствие единого взгляда на омонимию выражается не только в разном понимании самого термина, но и в вопросах разграничения омонимии со смежными с ней явлениями, чаще всего полисемией. Это связано с проблемой тождества слова, т. е. с попыткой понять, в каком случае значения ещё достаточно связаны друг с другом, чтобы считать их значениями одного слова, а в каком расходятся настолько сильно, что их приходится считать двумя самостоятельными, не связанными по смыслу словами с одинаковой звуковой оболочкой³.

Выделяются два основных подхода к пониманию и разграничению лексической омонимии и полисемии⁴.

Первый подход, принятый большинством учёных, признаёт наличие в языке как однозначных, так и многозначных слов. Этой точки зрения придерживаются такие учёные, как В. В. Виноградов⁵, Ю. Д. Апресян⁶, Н. М. Шанский⁷ и др. Согласно данному подходу тождество слова не нарушается наличием у него вариантов значения: вместе их удерживает как тесная смысловая связь, так и звуковое тождество. В рамках этой точки зрения омонимию и полисемию можно разграничивать по-разному.

Согласно первому способу омонимами называются этимологически разные слова, звучание которых совпало случайно. Согласно второму омонимами признаются слова, изначально бывшие разными по форме, но звуковые оболочки которых совпали в результате действия различных причин. Согласно третьему подходу к омонимии относятся и те случаи, когда значения многозначного слова с течением времени разошлись настолько

---

¹ Виноградов В. В. Об омонимии и смежных с ней явлениях // Вопросы языкознания. М., 1960. Вып. 5. С. 13.

² Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964. С. 41.

³ Пешковский А. М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. М., 1925. С. 130–131.

⁴ Хуцишвили С. Д. Славянские межъязыковые омонимы: дис. ... д. филол. наук. Тбилиси, 2010. С. 20–23.

⁵ Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М., 1972.

⁶ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974.

⁷ Шанский Н. М. Указ соч.

сильно, что превратились в отдельные слова, не связанные друг с другом семантически, но всё ещё одинаковые в плане выражения (звуковой оболочки).

Второй подход к пониманию полисемии и омонимии базируется на признании в языке только однозначных слов. Одним из первых учёных, обосновавших теоретическую возможность отсутствия многозначных слов в языке, стал А. А. Потебня¹. О некоей условности многозначности слова упоминал и Л. В. Щерба². Получается, что при таком подходе любые слова с одинаковой звуковой оболочкой и хоть сколько-нибудь различающимися значениями будут называться омонимами. Некоторые учёные признавали достоинства такой теории, соглашаясь с тем, что в речи у слова действительно реализуется только одно значение, но это не обязательно отменяет его потенциальную многозначность в языке: различные смыслы под одной звуковой оболочкой находятся друг с другом в парадигматических отношениях, а потому два смысла не могут проявиться одновременно³. Нечёткость этой точки зрения состоит в сложности определения момента окончательного разделения одного значения слова на несколько разных.

Также можно подробнее рассмотреть два упоминавшихся выше взгляда на омонимию, которые опираются на происхождение исследуемых языковых соответствий⁴.

Согласно первому омонимами называются только такие одинаково звучащие слова, которые были исконно разными по форме и совпали в звучании вследствие естественных фонетических или окказиональных причин. Ситуации, когда у слов с исконно одинаковой звуковой оболочкой появились разные, далеко разошедшиеся значения, признаются явлением полисемии.

Согласно второму взгляду к омонимам относятся как слова, звучание

---

¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958. С. 15–16.

² Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958. С. 78.

³ Хуцишвили С. Д. Славянские межъязыковые омонимы. С. 21.

⁴ Лобковская Л. П. О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина «ложные друзья переводчика») // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 20. Челябинск, 2012. С. 80.

которых совпало из-за случайности или фонетической закономерности, так и случаи расхождения значений многозначного слова в такой сильной степени, что их уже нельзя считать значениями одного слова. Звуковая оболочка таких слов делится и образует два независимых друг от друга омонима. О подобном пишет Т. П. Аркадьева: «Изоляция слова, отклонения в соразмерности его словообразовательных и смысловых отношений влекут за собой перестройку этих отношений, у слова формируется новое значение, связи, оно вступает в систему новых отношений»¹.

В данной работе мы будем придерживаться подхода, признающего существование многозначных слов в языке, а также подхода, признающего омонимами слова, значения которых ранее относились к одному многозначному слову. Сюда относятся и слова, исторически восходящие к одному этимону.

1.2. Межъязыковая омонимия: история изучения

Говоря об омонимах, чаще всего подразумевают внутриязыковую омонимию, то есть совпадение звучания языковых единиц с отсутствием между ними смысловой связи в рамках одного языка. Тем не менее такое же явление может проявляться и в отношении слов разных языков. Так, об омонимии наряду с паронимией и полисемией писал С. М. Грабчиков: «вопреки привычным представлениям, они не всегда выступают как явления внутриязыкового порядка: полное и частичное совпадение разных по значению слов может иметь и межъязыковой характер»².

Межъязыковая омонимия, как и внутриязыковая, может охватывать все уровни языка, где элементы совпадают формально и различаются семантически. Тем не менее основная область межъязыковой омонимии, по мнению многих исследователей, находится на уровне лексики³.

Межъязыковые лексические омонимы можно определить как «слова

---

¹ Аркадьева Т. П. Этимологические связи слов и закономерности их изменения. Л., 1988. С. 3.

² Грабчиков С. М. Межъязыковые омонимы и паронимы (опыт составления словаря). Минск, 1980. С. 4.

³ Супрун А. Е. Лексическая типология славянских языков. Минск, 1983. С. 5.

двух различных языков, имеющие тождественный или сходный внешний (звуковой и/или графический) облик, но разное значение»¹.

Материал, описываемый в работе, — пары прилагательных в русском и словацком языках, которые имеют тождественное звучание, но разные, порой даже противоположные значения. Например, русское *ужасный* и словацкое *úžasný*, что в переводе на русский значит ‘изумительный’, или русское *лакомый* — словацкое *lakomý* (‘жадный, скупой’).

С учётом разных алфавитных систем русского и словацкого языков принцип тождественности графического облика слов мы опускаем, но полагаем, что сходства их звучания достаточно, чтобы признать эти слова межъязыковыми омонимами (подробнее о выборе классификации и терминологии см. ниже — *Е. П.*).

Кроме того, как уже было отмечено, в работе используется подход, при котором омонимами могут считаться слова, восходящие к одному этимону. Значения таких слов ранее были значениями одного многозначного слова. Об этом писал Г. А. Селиванов: «в родственных языках и их диалектах постоянно замечаются несходства слов при тождестве фонетической оболочки. Материальное тождество иногда связано общностью происхождения слов в двух или нескольких языках... Можно найти различные свидетельства семантической деривации в разных славянских языках одного корня»².

Как отмечает С. М. Грабчиков, такие слова обычно называются «ложными друзьями переводчика», обманчивое внешнее совпадение которых «нередко бывает причиной их неразличения, смешения и в речевой практике, в результате чего появляются случаи неправильного употребления как в устной, так и в письменной речи»³. К примеру, слово *гора* в болгарском языке значит ‘лес’.

---

¹ Лобковская Л. П. О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина «ложные друзья переводчика»). С. 81–82.

² Селиванов Г. А. Языковые контакты и проблема межъязыковой омонимии (гетеронимии) // Вопросы русского и славянского языкознания: Сб. статей. Иваново, 1976. С. 116–117.

³ Грабчиков С. М. Межъязыковые омонимы и паронимы (опыт составления словаря). С. 6.

Межъязыковые омонимы, точно так же, как и внутриязыковые, могут возникать несколькими разными способами¹. Это может быть случайное совпадение звуковых оболочек слов (чаще в языках, которые практически не контактировали) или результат неслучайных изменений в семантической структуре генетически родственных слов, которые нередко восходят к одному этимону (в родственных языках). Как пишет А. Е. Супрун, «становление лексикона современного языка есть длительный исторический процесс, в котором отражаются как внутренние особенности развития соответствующего народа и его культуры, специфические черты развития данного языка, так и внешние контакты языка»².

Про межъязыковые омонимы, которые этимологически связаны друг с другом, Р. А. Будагов писал так: «слово, возникающее из одного источника, но попадающее в разные языки, часто сохраняет общие контуры смыслового движения во всех или многих из этих языков... но семантические изменения одного и того же слова в разных языках могут быть неравномерными»³.

Проблема межъязыковой омонимии давно привлекает к себе внимание учёных. М. Кёсслер и Ж. Дерконьи⁴ стали одними из первых, кто занялся системным изучением межъязыковых омонимов на материале английского и французского языков. Именно данные исследователи сформулировали определение «ложные друзья переводчика» и выделили два основных их типа: «полностью ложные», т. е. обладающие сходной орфографией и полностью различной семантикой, и «частично ложные», то есть такие, где семантика в основном общая. По их определению, «ложные друзья переводчика» — это «слова, «идентичные по внешнему оформлению в двух или нескольких языках, но имеющие разное значение»⁵.

Одним из первых межъязыковые омонимы на материале славянских языков выделил украинский писатель и переводчик М. Ф. Рыльский. Он

---

¹Лобковская Л. П. О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина «ложные друзья переводчика»). С. 82.

²Супрун А. Е. Лексическая типология славянских языков. С. 5.

³Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1965. С. 226.

⁴Koessler M., Dercquigny J. Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais, Paris, 1928.

⁵Там же. С. 13.

определил межъязыковые омонимы как «слова, которые одинаково или подобно звучат в двух или нескольких языках, но имеют неодинаковое, иногда противоположное значение»¹.

Вопросами межъязыковой омонимии занимались также и другие советские учёные. Издавались т. н. словари «ложных друзей переводчика», например, словарь С. М. Грабчикова², где собрано свыше 550 пар таких слов на материале белорусского и русского языков. Работы, посвящённые проблемам межъязыковой омонимии, писали К. М. Готлиб³, А. И. Журавлёв и С. С. Захаров⁴, В. В. Акуленко⁵ и многие другие.

Немалый вклад в изучение межъязыковых омонимов внесли и работы, связанные с близкими областями. Вопросы омонимии рассматривались также в трудах структуралистов с позиции моделирования языков (славянских языков в частности), такова, например, работа И. И. Ревзина⁶. Немаловажными оказались связанные с межъязыковыми сопоставлениями труды в области психолингвистики, такие как пособие А. А. Залевской⁷.

---

¹ Рыльский М. Ф. Мистецтво перекладу. Київ, 1956. С. 163.

² Грабчиков С. М. Межъязыковые омонимы и паронимы (опыт составления словаря).

³ Готлиб К. М. К вопросу о так называемых междуязычных омонимах // Германские языки. Новосибирск, 1967.

⁴ Журавлев А.И., Захаров С.С. «Ложные друзья» переводчика с чешского языка. Москва, 1977.

⁵ Акуленко В. В. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М., 1969.

⁶ Ревзин И. И. Метод моделирования и типологии славянских языков. М., 1967. С. 256.

⁷ Залевская А. А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. Калинин, 1979.

1.3. Терминология в области межъязыковой омонимии

В науке не существует единого взгляда на межъязыковую омонимию. Безусловно, это связано с теми же трудностями, что стоят перед учёными и при анализе внутриязыковой омонимии. Чаще всего возникает необходимость отделить омонимию от смежных с ней явлений и составить чёткую классификацию. Учёные систематизируют подобные явления по-разному. С. М. Грабчиков, например, выделяет следующие наиболее типичные разновидности данной лексической группы¹:

1) Слова, полностью совпадающие по звучанию (если пренебречь незначительными различиями, связанными со спецификой орфографии или орфоэпии языков), как правило, межъязыковые омонимы. Например, *лист* (русс.) — *ліст* (белорусск. ‘письмо’).

2) Слова, близкие, но не тождественные по звучанию (чаще всего — паронимические пары). Например, *стол* (русс.) — *сто́ль* (белорусск. ‘потолок’).

3) Слова, совпадающие лишь в отдельных грамматических формах (межъязыковые омоформы). Например, белорусск. *справа* (наречие) — *справа* (существительное, ‘дело’).

4) Слова, полностью совпадающие по написанию (с поправками на различия в графике языков), которые с некоторыми оговорками можно назвать межъязыковыми омографами, *коник* — *конік* (‘кузнечик’).

5) Слова, совпадающие в написании частично, различающиеся преимущественно ударениями, *стрельба́* — *стрэ́льба* (‘ружьё’).

Существует множество других вариантов классификаций подобных явлений, а также множество различных терминов для их описания. Это и «ложные друзья переводчика», и межъязыковые омонимы, и обманчивые

---

¹ Грабчиков С. М. Межъязыковые омонимы и паронимы (опыт составления словаря). С. 5–6.

межъязыковые сходства¹, и межъязыковые проксиматы² и т. п.

Об одном из самых известных терминов — «ложные друзья переводчика» — упоминал чешский исследователь Й. Влчек. По его мнению, несмотря на то что выражение «ложные друзья переводчика» считается скорее не термином, а «образным выражением для наименования межъязыковых омонимов», все попытки заменить его каким-либо другим термином заканчиваются безуспешно, что связано с многолетним употреблением этого выражения в литературе³.

Похожие мысли высказывал и Р. А. Будагов: «Хотя словосочетание «ложные друзья переводчика» и длинно и слишком открыто, чтобы стать термином, оно всё же терминируется за последние годы. Во-первых, это словосочетание, по-видимому, не имеет равного и более краткого эквивалента; во-вторых, сама его «открытость» привлекательна: она как бы напоминает, какие ловушки ожидают всех, кто имеет дело с разными языками»⁴.

Ранее в работе приводилось определение термину «ложные друзья переводчика», как его понимали сами создатели М. Кёсслер и Ж. Дерконьи. Однако некоторые исследователи замечали, что в этом определении «не учитываются различия в таких компонентах значения и дифференциальных признаках, как стилистическая окраска, употребительность лексики в исторической перспективе (современная лексика — устаревающая — устаревшая лексика) и сочетаемость слов»⁵.

Более широко явление «ложные друзья переводчика» понимает К. М. Готлиб: «это слова двух языков, которые из-за сходства их звукового или буквенного состава вызывают ложные ассоциации и приводят к

---

¹ Гросбарт З. О русских и польских словах, близких по звучанию разных по значению («межъязыковые омонимы») // Материалы Третьего международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма. М., 1962. С. 452–453.

² Правда Е. А. Межъязыковые проксиматы в параллелях сербского и русского, словацкого и русского языков: типы проксиматов // Вестник Воронежского государственного университета. Вып. 1. Воронеж, 2010. С. 128–129.

³ Влчек Й. Чешско-русские омонимы: высшая стадия лексической интерференции. София, 1975. С. 33.

⁴ Будагов Р. А. История слов в истории общества. М., 1971. С. 362–368.

⁵ Лобковская Л. П. О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина «ложные друзья переводчика»). С. 84.

ошибочному восприятию информации на иностранном языке, а при переводе — к более или менее существенным искажениям содержания или неточностям в передаче стилистической окраски, к ошибкам в лексической сочетаемости, а также в словоупотреблении»¹.

При этом очевидно, что словосочетание «ложные друзья переводчика» всё же не смогло удовлетворить всех исследователей и стать общепринятым термином, поскольку дискуссии относительно наиболее верного и точного термина для наименования явлений межъязыковой омонимии продолжаются до сих пор. К примеру, определение «межъязыковая омонимия», встречающееся чаще всего, также не принимается всеми исследователями как основное.

Некоторые учёные не согласны с тем, что можно говорить о таком понятии, как межъязыковая омонимия, если у разных языков различаются алфавиты и фонологические системы, а значит, и произношение (звуковая оболочка) слов не может полностью совпадать. Об этом пишет, например, Е. А. Правда²: «Омонимия, при любой интерпретации этого понятия, исходя уже из семантики самого термина, подразумевает прежде всего совпадение, тождество языковых форм в их устной или письменной реализации... Понимая термин буквально, вряд ли можно говорить о тождестве языковых форм в разных языках, имеющих различные фонологические системы, а тем более разные алфавиты. Очевидно, что в этом случае возникает неоправданная многозначность термина *омоним*, который и без того часто трактуется весьма расширительно и нечётко, что вызывает справедливую критику исследователей. Кроме того, игнорируются межъязыковые различия, которые, хотя и могут оказываться нерелевантными для достижения конкретных целей коммуникации и не препятствовать в отдельных случаях её успешности, однако в принципе при обучении иностранному языку

---

¹ Готлиб К. М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика». М., 1972. С. 439.

² Правда Е. А. Межъязыковые проксиматы в параллелях сербского и русского, словацкого и русского языков: типы проксиматов. С. 128.

должны всегда быть в центре внимания»¹.

Исследовательница предлагает свой термин для явлений межъязыковой омонимии: проксиматы. Она определяет его так: «Проксимат — это факт иностранного языка (слово, словосочетание, морфема или др.), который имеет внешнее сходство с каким-либо фактом родного языка, но отличается от него семантическими, грамматическими, стилистическими или другими свойствами и поэтому способен вызвать ошибку при его использовании в речи на данном иностранном языке»². К примеру, сербское *банка* ('банк') и русское *банка*.

Г. А. Селиванов, отмечая, что подобные явления принято называть межъязыковой омонимией, а лексические единицы — межъязыковыми омонимами, всё же выбирает другой термин: межъязыковая гетеронимия³.

Безусловно, сложно найти такой термин, который полностью охватил бы всё многообразие существующих соответствий в рамках внутриязыковой и межъязыковой омонимии и близких к ней явлений. Споры учёных только подтверждают актуальность и значимость этих вопросов.

В работе будет использован термин межъязыковая омонимия, и соответствующие лексические единицы будут называться межъязыковыми омонимами, поскольку мы считаем, что в условиях сопоставления двух разных языковых систем понимание омонимии естественно может быть шире, чем в условиях одного языка.

1.4. Выводы

Исследованный материал — это 48 пар межъязыковых лексических омонимов в русском и словацком языках, из которых подробно было исследовано 20. Под межъязыковыми омонимами мы вслед за Л. П. Лобковской понимаем «слова двух различных языков, имеющие тождественный или сходный внешний (звуковой и/или графический) облик,

---

¹ Правда Е. А. Межъязыковые проксиматы в параллелях сербского и русского, словацкого и русского языков: типы проксиматов. С. 127–128.

² Там же. С. 128.

³ Селиванов Г.А. Языковые контакты и проблема межъязыковой омонимии (гетеронимии). С. 118–119.

но разное значение»¹, например: русское *позорный* и словацкое *rozorný* ('внимательный') или русское *честный* и словацкое *čestný* ('почётный').

Несмотря на множество различных терминов, используемых для наименования таких явлений, в работе будут использованы термины *межъязыковая омонимия* и *межъязыковые омонимы* для соответствующих лексических единиц, исходя из мнения, что при сопоставлении единиц из разных языков рамки понимания омонимии могут быть шире, чем при сопоставлении единиц одного языка, а потому такими пунктами, как полное звуковое тождество или полное графическое совпадение (безусловно, в одной и той же алфавитной системе), можно пренебречь.

Межъязыковые лексические омонимы, исследуемые в данной работе, не совпадают графически ввиду различных алфавитных систем в русском и словацком языках (кириллица и латинский алфавит соответственно) и практически полностью совпадают в произношении (с учётом возможной разницы в произношении некоторых звуков в русском и словацком, которую мы считаем нерелевантной). Упомянутые различия, однако, не препятствуют потенциальному неправильному употреблению этих слов, что и является основной чертой «ложных друзей переводчика».

Исследуемые слова полностью различаются семантически, хотя многие исконно восходят к одному этимону. Некоторые омонимичные пары могут даже выражать противоположные значения. С позиции стилистической, экспрессивной окраски и т. п. все слова нейтральны.

---

¹ Лобковская Л. П. О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина «ложные друзья переводчика»). С. 81–82.

Глава II. Тенденции развития семантики межъязыковых омонимов в русском и словацком языках

2.1. Обзор материала исследования и выбор терминологии в работе

Из множества вариантов систематизации материала и терминов для данной работы выбрана и в дальнейшем будет использована классификация и терминология, предложенная С. Д. Хуцишвили¹. Анализируемые явления исследовательница называет межъязыковыми омонимами с оговоркой, что этот термин всё-таки требует значительного количества уточнений.

Исследовательница разрабатывает подробную классификацию межъязыковых соответствий омонимичного характера по их формальному сходству, по типам семантических отношений между ними и их происхождению. Ввиду объёма классификации мы не будем приводить её целиком и выделим лишь те части, которые относятся непосредственно к материалу, исследуемому в работе.

С точки зрения формального соответствия материал в работе относится к *фонетическим межъязыковым омонимам*², которые совпадают в звучании и различаются графически. Эти графические различия объясняются использованием разных алфавитов (русский язык — кириллица, словацкий язык — латинский алфавит, к примеру, русское *пушка* и польское *puszka* ('жестяная банка') или случаи с использованием одной и той же алфавитной системы — русское *кит* и украинское *кіт* ('кот').

Безусловно, нельзя говорить о том, что произношение обоих слов в выбранной омонимичной паре всегда будет полностью совпадать. Это связано с различием фонетических систем разных языков, но так как межъязыковая омонимия рассматривает более широкий круг явлений, нежели внутриязыковая омонимия, то нюансы в произношении, из-за

---

¹ Хуцишвили С. Д. Славянские межъязыковые омонимы. С. 28–93.

² Там же. С. 40–42.

которых можно говорить только об относительном формальном звуковом тождестве, могут быть опущены¹.

С точки зрения семантических отношений между межъязыковыми омонимами исследуемые нами омонимичные пары находятся в отношениях полного семантического различия (*семантические отношения исключения или дизъюнкции*). Различие может быть как результатом случайного совпадения, так и следствием расхождения значений у этимологически тождественных слов. У таких слов возможно сохранение следов ранней семантической связи, которое может быть выражено в отнесённости к одному семантическому полю². Например, русское *овощи* и чешское *ovose* ('фрукты'), польское *owose* ('фрукты').

С. Д. Хуцишвили отдельно рассматривает отношения полного семантического различия, т. е. выражения противоположных значений словами, восходящими к одному этимону. Она называет это *межъязыковой энантиосемией* (аналогия с внутриязыковой энантиосемией)³ — русское *вредность* и болгарское *вредность* ('ценность'). В нашем материале присутствуют омонимичные пары, которые, согласно описываемой классификации, относятся именно к этой группе: например, русское *чёрствый* и словацкое *čerstvý* ('свежий').

Все слова в использованных в работе межъязыковых омонимичных парах являются стилистически нейтральными и общеупотребительными в словацком и в русском языках. Среди них нет диалектизмов, специальных слов, архаизмов и т. п. Ввиду этого в работе опускается классификация межъязыковых явлений омонимичного характера с точки зрения их принадлежности к разным функциональным стилям и сферам, частотности употребления, эмоционально-экспрессивной окраске и т. п. При этом важность указанных факторов для исследования тех межъязыковых омонимичных пар, в которых эти различия присутствуют, несколько не

---

¹ Хуцишвили С. Д. Славянские межъязыковые омонимы. С. 38.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 57–58.

преуменьшается.

С точки зрения происхождения большинство исследованных нами слов относится к т. н. *когнатам*, т. е. этимологически связанным словам. Окказиональные совпадения слов Хуцишвили называет *псевдокогнатами*¹.

Как уже упоминалось выше, при сопоставлении лексических единиц в славянских языках большая часть омонимичных соответствий будет представлена «генетически родственными словами, характеризующимися полным или частичным расхождением в семантике»². Межъязыковых омонимов, совпавших в славянских языках окказионально (в результате заимствования или случайности), существует гораздо меньше.

Материалом исследования в данной работе послужили 20 пар межъязыковых омонимов (имён прилагательных) в русском и словацком языках, например, пара *лакомый* — *lakomý* (русс. 'жадный, скупой') (полный список исследованных единиц дан в приложении).

В работе предпринята попытка проследить историю развития семантики в выбранных омонимичных парах, чтобы установить, как и в какой временной период значения слов в двух родственных языках разошлись настолько далеко, что исследуемые прилагательные превратились в межъязыковые омонимы. Также в работе предпринята попытка классифицировать эти прилагательные в соответствии с основными паттернами их изменения и определить общие тенденции развития и дивергенции семантики омонимичных прилагательных в русском и словацком языках.

Переводы всех словацких слов на русский язык даны по словацко-русскому словарю³.

Большая часть выбранных пар прилагательных исторически восходит к одному этимону, а потому с помощью этимологических словарей мы постараемся проследить развитие их значения с древнейшего периода, когда

---

¹ Хуцишвили С. Д. Славянские межъязыковые омонимы. С. 73.

² Там же. С. 74.

³ Словацко-русский словарь / Гл. ред. Д. Коллар, В. Доротьякова, М. Филкусова, Е. Васильева. М.; Братислава, 1976.

они ещё были синкретичными, до современного состояния, когда они уже разошлись.

Учитывая большой объём исследуемого материала, не представляется возможным дать подробное описание развития каждой омонимичной пары, а потому расширенные описания будут даны только как примеры, иллюстрирующие определённую тенденцию.

В тех случаях, когда прилагательные в омонимичной паре не связаны исторически и их звуковые оболочки совпали по иным причинам, даны указания на эти причины (результаты заимствования, действие фонетических законов и т. п.).

Расхождение семантики в исторически родственных словах, изменение их исконного значения — крайне распространённое языковое явление. Об этом пишет Т. П. Аркадьева: «В словообразовательных гнёздах своеобразно переплетаются разноуровневые явления, процессы, в результате которых происходят семантические и структурные преобразования, способные привести их к расщеплению, разрушению, вызывающие к жизни новые гнёзда... Отражением этой закономерности является деэтимологизация слова — это явление, при котором происходит утрата первоначальной мотивированности слова, опирающейся на его словообразовательные связи внутри этимологического гнезда. Она является следствием исторических изменений в слове. Слово воспринимается в современном языковом сознании вне семантических и словообразовательных связей, которые были характерны для него в прошлом»¹.

А. Е. Супрун утверждает, что семантическое тождество в лексиконе — явление скорее нетипичное, когда речь идёт о «нормальных», «обыденных» словах, а не о научно-технических терминах. Наличие в славянских языках таких расхождений, как межъязыковая омонимия, указывает на возможность типологического подхода к анализу этих языков².

Как отмечает Е. М. Маркова, «лексико-семантическая асимметрия

---

¹ Аркадьева Т. П. Этимологические связи слов и закономерности их изменения. С. 3–4.

² Супрун А. Е. Лексическая типология славянских языков. С. 30–33.

характерна для современного состояния литературных славянских языков»¹. Она же указывает и на важное отличие русского языка от чешского (полагаем, что к словацкому языку, как близкому к чешскому, тоже можно отнести это наблюдение): «Русский относится к языкам, в которых заимствования составляют значительный пласт в их лексике, а чешский — к языкам, которые формировались... в духе пуристических тенденций и отталкивания от господствующих германизмов»².

Исследовательница указывает, что в русском языке заимствования нередко влияли на уже имеющиеся древнеславянские наименования, оттесняя их на языковую периферию или способствуя их семантическому либо стилистическому сдвигу. Чешский же язык всегда был ориентирован на использование собственно славянских лексических средств, поэтому заимствования в русском языке нередко соответствуют исконно славянским образованиям в чешском³.

С учётом этого в работе больше внимания будет уделяться развитию семантики русского слова в анализируемой омонимичной паре в том случае, если значение словацкого слова полностью или частично сохранило своё исконное древнее значение.

Изменение семантики анализируемых слов прослеживается при помощи определённых лексикографических источников (полный список приведён в библиографии), а потому опорным здесь является «метод семного анализа значения слова, при этом значение слова рассматривается как элемент лексической системы в языке, а не в речи»⁴.

Под семой здесь понимается «элементарная составляющая лексического значения слова, отражающая различимые языком признаки обозначаемого»⁵. Вслед за Ю. Д. Апресяном мы считаем, что «лексическое

---

¹ Маркова Е. М. Типология конвергентно-дивергентных отношений единиц праславянского лексического фонда в русском языке: автореф. дис. ... д. филол. наук. М., 2006. С. 17.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 18–19.

⁴ Аркадьева Т. П. Этимологические связи слов и закономерности их изменения. С. 15.

⁵ Арнольд И. В. Метаязык и концептуальный аппарат компонентного анализа // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 5. Л., 1985. С. 3.

значение слова обнаруживается в его толковании, которое представляет собой перевод слова на особый семантический язык»¹.

Р. А. Будагов указывает на невозможность изучать слово и давать ему дефиницию без учёта его значения. Он разделяет термины «значение» и «понятие». Под значением исследователь понимает исторически образовавшуюся связь между звучанием слова и тем отображением предмета или явления, которое происходит в нашем сознании. Если значение — это категория данного языка, бытующая в пределах его системы, то понятие — это общечеловеческая категория, зависящая разве что от степени развития мышления. Понятие — это мысль о предмете, выделяющая в нём общие и наиболее существенные признаки².

Также важно дать определение понятиям этимона и внутренней формы слова. Внутренняя форма слова — это синхронное явление, а этимон характеризует диахронический аспект языка³.

«Внутренняя форма слова — особый компонент (сема) содержательной стороны слова, отчетливо выраженной его структурой, каждый элемент которой несет определённую смысловую нагрузку. В контексте семной структуры слова внутренняя форма слова — это стержневая сема... Этимон — сема, общая для всех однокоренных по происхождению слов и семантически объединяющая их в словообразовательном этимологическом гнезде по этому признаку»⁴.

Суть работы частично отражена в следующей цитате: «...Необходимо вскрыть действительную историческую выводимость отдельных значений, если она имеет место в данное время, показать расщепление первоначально единого значения или обособления тех или иных его оттенков, перестановку центральных или периферийных значений, смещение или перемещение смысловой ориентации слова из одной предметно-понятийной сферы в

---

¹ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. С. 69.

² Будагов Р. А. История слов в истории общества. С. 8–22.

³ Варина В. Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 242.

⁴ Аркадьева Т. П. Этимологические связи слов и закономерности их изменения. С. 17–18.

другую»¹.

Обзор семантических изменений омонимичных слов русского и словацкого языка проводился по данным этимологических и исторических словарей. Результаты исследования показали, что исследованные пары омонимичных прилагательных русского и словацкого языков могут быть объединены в несколько групп. Эти группы выделены, организованы по принципу максимальной схожести в развитии и дивергенции семантики входящих в них слов. Каждая из групп отражает наиболее вероятную общую тенденцию изменения значений межъязыковых омонимов, находящихся в их составе.

2.2. Группа омонимов позднего изменения значений

Пары омонимов *первой группы* — слова, которые сохраняли одинаковую древнюю семантику как в словацком, так и в русском языке достаточно долго (чаще всего до XVII–XVIII вв.), после чего русское слово резко меняло своё значение, а словацкое оставляло за собой исконное. К этой группе относятся следующие омонимичные пары (в скобках даны переводы на словацкий язык):

1. *лакомый* — *lakomý* (‘жадный, скупой’);
2. *наглый* — *náhly* (‘крутой, неожиданный, поспешный’);
3. *позорный* — *rozorný* (‘внимательный’);
4. *поразительный* — *poraziteľný* (‘побеждаемый’);
5. *рыхлый* — *rýchly* (‘быстрый’).

Эту группу, объединяющую слова, чья семантика развивалась в рамках одной тенденции, можно условно назвать *группой позднего изменения*.

Значения этих прилагательных в русском языке были идентичны или максимально близки к значениям их словацких омонимичных пар вплоть до XVII–XVIII вв. В этот период семантика русского слова резко менялась, чаще всего потому, что на первый план выходило значение прилагательного, ранее стоявшее на периферии. Семантика словацкого слова, напротив,

---

¹ Сорокин Ю. С. Что такое исторический словарь // Проблемы исторической лексикографии. М., 1977. С. 17.

оставалась одинаковой с древних времён до современности либо же претерпела совсем незначительные изменения.

В этой же группе мы выделяем один подпункт: омонимичные пары, где русское прилагательное изменило своё значение несколько раньше, чем приведённые выше: приблизительно в период XV–XVI вв. Это слова в парах омонимов:

6. *блудный* — *bludný* ('ошибочный');
7. *быстрый* — *bystrý* ('хитрый, зоркий').

Словацкие слова, как и в первом подпункте, своё значение с древности практически не изменили.

2.2.1. Омонимичная пара *наглый* — *náhly*

Для того чтобы понять, как именно с течением времени в прилагательных происходили семантические изменения и каким образом это оказалось зафиксировано в словарях, рассмотрим более детально историю развития одной пары слов для каждой выделенной тенденции.

Из первой подгруппы *группы позднего изменения* (изменения, произошедшие около XVII–XVIII вв.) рассмотрим межъязыковую пару омонимов *наглый* — *náhly*.

В современном русском языке значение прилагательного *наглый* — 'крайне дерзкий и бесстыдный, нахальный'¹. В словацком слово *náhly* значит 'крутой, неожиданный, поспешный'.

Своё значение в русском языке слово получило относительно недавно. Если сравнить это определение с более ранним, данным в словаре русского языка 1958 г., можно увидеть, что вместе с основным значением 'крайне нахальный, дерзкий, бесстыдный' даётся также и устаревшее выражение 'наглая смерть', что значит 'неожиданная, внезапная смерть'². Значение внезапности, неожиданности, сохранившееся у слова *наглый* в составе этого

¹ Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 574.

² Словарь современного русского языка / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов, Ф. П. Филин. М., 1958. С. 199.

выражения, судя по данным словарных источников, являлось основным значением слова *наглый* вплоть до XVI–XVII вв.

Исконные значения слова выделялись на основе этимологических словарей. О неясности его происхождения пишет П. Я. Черных: «До сих пор не удалось отыскать убедительных соответствий по корню в других индоевропейских языках»¹. Он указывает также, что значение слова *наглый*, которое известно в современном русском языке — ‘нахально дерзкий’, развилось именно на русской почве. Более старое значение было близко к ‘стремительный, быстро надвигающийся’².

Также информация о праславянском слове **nagľьjь* в двух значениях есть в «Этимологическом словаре славянских языков»: слово представляет значительную сложность как со стороны его этимологии, так и со стороны морфологического членения, которое до сих пор остаётся спорным³. Кроме того, не все исследователи согласны с тем, что у него есть родственные слова в славянских языках. Помимо уже отмеченных сопоставлений слова с др.-инд. *áñjas* (‘прямой, неожиданный, быстрый’) в словаре приводится гипотеза Ж. Ж. Варбот, которая связывала **nagľьjь* со словом **snaga* (‘сила’) и сопоставила его с литовским *pagėtis* (‘стремиться’)⁴.

Эти сведения о **nagľьjь*, представленные в словаре, касались только его первого значения, но там также дано и второе значение этого слова, встречающееся в русских диалектах: ‘чистый, настоящий, подлинный’. Оно тесным образом связано со словом **golьjь* в значении ‘чистый, без примесей’. При этом прямой производности между двумя значениями **nagľьjь* нет, но если принимать их родство, то можно предположить, что первое слово со значением ‘быстрый, крутой, внезапный’ может происходить от глагольной основы **geul-/goul-* — ‘лупить, обдирать’, обрывать; см.

¹ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. I. М., 1994. С. 556.

² Там же.

³ Этимологический словарь славянских языков: праславянский фонд / Гл. ред. О. Н. Трубачев. Вып. 22. М., 1995. С. 33–38.

⁴ Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии. М., 1965. С. 27–30.

лупить — ‘быстро бежать’, удирать — ‘быстро убежать’ и т. д.¹

Рассмотрим, как в исторических и этимологических словарях отражено развитие значения прилагательного *наглый*.

П. Я. Черных прослеживает развитие и изменение значения слова в разные периоды: *нагельство* (XIII в.) — ‘вспыльчивость, гнев’; *нагло* (XIV–XV вв.) — ‘быстро, тотчас’. *Наглости* (мн. ч.) в значении ‘необузданность’ отмечается в 1627 году, в значении ‘нахальство’ — в 1771 году².

М. Фасмер отмечает значение древнерусского и церковнославянского слова *нагель* — ‘быстрый, скорый’³, что подтверждается и данными словаря древнерусского языка И. И. Срезневского: причастие *нагло* — ‘быстро, скоро, тотчас’⁴.

В словаре древнерусского языка XI–XIV вв. дано два значения этого слова: 1. ‘Внезапный, неожиданный’; 2. ‘Строгий, суровый’⁵. Второе значение больше не встречается ни в одном из словарных источников, что позволяет предположить его нестабильность и недолгое существование.

Словарь русского языка XI–XVII вв. указывает на несколько значений слова *наглый*⁶:

1. ‘Внезапный, неожиданный, быстрый, скорый’.

Даны примеры, относящиеся к XI, XII и XVII вв. Можно увидеть, что именно это значение (‘быстрый, скорый, внезапный, неожиданный’) было основным и главным для слова *наглый* вплоть до XVI–XVII вв., потому его так чётко сохранило в себе устойчивое выражение ‘наглая смерть’, существовавшее до XX в., а ныне устаревшее.

Следующие значения, представленные в словаре:

2. ‘Очень сильный по степени проявления’.
3. ‘Дерзкий, смелый; напористый, решительный’.

¹ Этимологический словарь славянских языков: праславянский фонд / Гл. ред. О. Н. Трубачев. Вып. 22. М., 1974. С. 37.

² Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. I. М., 1994. С. 556.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. III. М., 1971. С. 36.

⁴ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. Т. II. М., 1958. С. 274.

⁵ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / Гл. ред. И. С. Улукханов. Т. V. М., 2002. С. 134.

⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Ф. П. Филин. Вып. 10. М., 1983. С. 49.

4. 'Бесстыдный, наглый'.

Для них даны примеры, относящиеся к 1662 и 1675 гг. Можно предположить, что эти значения слова постепенно развиваются одно из другого.

Порядок значений слова *наглый* меняется уже в «Словаре русского языка XVIII в.». В нём значения распределены следующим образом¹:

- I. 'Бесстыдный, нахальный; враждебный, грубый, дерзкий'.
- II. 'Сильный по воздействию, проявлению'.
- III. 'Внезапный, неожиданный, скорый'.

Следует отметить, что к этому времени значения, во-первых, скорости и неожиданности и, во-вторых, силы воздействия хотя и не пропали окончательно, но перестали главенствовать и уступили первое место тому значению, которое является актуальным для слова *наглый* в современном русском языке. Это подтверждают данные современных словарей и данные словарей XIX в.

К примеру, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля приведены следующие значения слова *наглый*: 'дерзкий, нахальный, бесстыжий'². Указано значение, встречающееся в западных диалектах, — 'внезапный, нечаянный'. Из этого можно сделать вывод о сохранении в западных диалектах древнего значения слова *наглый*, частично совпадающего и с украинским литературным словом *наглий* — 'внезапный'. Однако это может быть и результатом польского влияния на украинский язык и западные территории.

Подытоживая собранные данные, можно сделать следующие выводы: несмотря на неопределённость происхождения слова *наглый*, его древняя семантика видна достаточно чётко. В древнерусском языке это прилагательное значило 'быстрый, скорый, неожиданный'. Подобные древние значения у данного слова сохранились и в современных

¹ Словарь русского языка XVIII в. Вып. 13. СПб., 2003. С. 152.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. II. СПб., 1881. С. 393.

западнославянских языках, в частности в исследуемом словацком слове *náhly* (‘неожиданный, внезапный, поспешный’).

На синхронном уровне это делает русское слово *наглый* и словацкое слово *náhly* (или слово любого другого языка с тождественной или сходной звуковой оболочкой) *межъязыковыми омонимами*. Мы понимаем их как «слова двух различных языков, имеющие тождественный или сходный внешний (звуковой и/или графический) облик, но разное значение»¹.

Слово *наглый* в приближенном к древнему значении ‘внезапный, скоропостижный’ также зафиксировал единственный из восточнославянских языков — украинский. Подобные же значения сохранились и в западнорусских диалектах. Тем не менее нельзя с полной уверенностью сказать, что такое значение слова *наглый* — это сохранение древней семантики. С той же вероятностью можно предположить, что подобное значение слова зафиксировалось в украинском языке и западных диалектах в результате влияния польского языка.

Опираясь на данные словарей, можно предположить, что сдвиг семантики слова и перераспределение разных значений по их актуальности произошли в XVI–XVII вв.

Можно также предположить, что из второго значения — ‘очень сильный по степени проявления’ — выросло и следующее: ‘дерзкий, смелый, решительный’. Из него в свою очередь могло появиться то значение слова *наглый*, которое существует в русском языке сейчас: ‘дерзкий, нахальный’. Важно, что новое значение приобрело оценочность, экспрессивную окраску, которая отсутствовала в древней семантике.

Собранные данные из исторических, этимологических и толковых словарей говорят о сохранении у слова *наглый* только одного значения в современном русском языке. При этом в словацком языке слово *náhly* сохранило своё исконное, древнее значение, точно так же, как сохранилось оно и в некоторых других западнославянских языках. Таким образом, можно

---

¹ Лобковская Л. П. О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина «ложные друзья переводчика») С. 81–82.

предположить, что активные процессы изменения семантики в этом слове проходили именно в русском языке.

2.2.2. Омонимичная пара *блудный* — *bludný*

Из второй подгруппы *группы позднего изменения* (изменения, произошедшие около XV–XVI вв.) покажем развитие значения в омонимах пары *блудный* — *bludný*.

В современном русском языке слово *блудный*, как показывают материалы толковых словарей, является устаревшим и активно функционирует только в составе устойчивого выражения *блудный сын*: ‘о человеке, покинувшем кого-, что-л. и вернувшемся назад после длительного отсутствия. Из евангельской притчи о непокорном сыне, ушедшем из родительского дома и вернувшемся с раскаянием после долгих лет скитаний’¹.

О позиции этого слова в современном русском языке писал В. В. Виноградов: «В четырёхтомном нормативном академическом ‘Словаре русского языка’, задача которого — ‘показать современное состояние словарного состава русского литературного языка и представить с необходимой полнотой его лексику’, отмечаются два слова-омонима *блудный* (что едва ли правильно). Одно из этих слов, определяемое как прилагательное к *блуд* (*устар.* — распутство, разврат), признаётся устарелым. Другое же употребляется лишь в выражении ‘блудный сын’, которое характеризуется как ‘шутливое’»².

Данные Национального корпуса русского языка подтверждают, что выражение *блудный сын* действительно используется в современном русском языке достаточно часто, но при этом слово *блудный* всё-таки встречается в активном словоупотреблении и само по себе, вне упомянутого устойчивого

¹ Большой толковый словарь русского языка. С. 85.

² Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 193–195.

выражения. Приведём примеры¹:

1. **‘Блудные глаза** невольно следили за перемещением шустрых подавальщиц...’;
2. **‘... комары — наказание человеку от природы за его блудные дела...’**;
3. **‘начальница... как-то свойски, понимающе сощутив блудный глаз...’**;
4. **‘блудные мужья** хватают чемоданы и бросаются к своим зарёванным жёнам...’;
5. **‘Он... размельчил людей, поднял наверх самое отвратительное, зверское, блудное, мелочное...’**;
6. **‘Он — личность блудная** и окаянная...’;
7. **‘Вот такая была моя... блудная и чёрная жизнь’**.

Приведённые примеры достаточно убедительно показывают, что слово *блудный* обладает самостоятельностью вне устойчивой единицы *блудный сын*, а также активно используется в современном русском языке в самых разнообразных жанрах (современная художественная проза, публицистические тексты и др., в приведённые выше примеры намеренно не включены стилизации под церковные или старинные тексты).

Значение слова *блудный* в приведённых примерах не равняется его значению в выражении *блудный сын*, оно скорее соотносимо с семантикой, выраженной в слове *блуд* — ‘распутство, разврат’², которая у прилагательного сейчас считается устаревшей.

Об этимологии этого слова в «Этимологическом словаре славянских языков» сказано следующее: *Блудить* — «скитаться», «шататься», «сбиться с пути», «проказить», «шалить», «распутничать», «приносить вред»³. Эти древние значения глагола совпадают с семантикой омонимичного словацкого

¹ Основной подкорпус Национального корпуса русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 29. 05. 2015).

² Большой толковый словарь русского языка. С. 85.

³ Этимологический словарь славянских языков: праславянский фонд / Гл. ред. О. Н. Трубачев. Вып. 2. М., 1975. С. 125–128.

слова. Очевидно, что именно значения ошибки, ложного пути, блуждания и являются древнейшими для этого глагола, а также для однокоренных ему существительного и прилагательного *блуд* и *блудный*. В современном русском языке ту же семантику полностью сохранило однокоренной глагол *блуждать*.

В словаре древнерусского языка XI–XIV вв. отмеченные значения существительного *блуд* таковы¹:

1. Заблуждение, ошибка, исповедание ложного учения;
2. Разврат, распутство.

Слово же *блудный* определяется как прилагательное к слову *блуд* в первом и втором значениях².

На этом материале можно увидеть, что древнее значение ошибочности, заблуждения не просто не исчезло на указанный момент времени, но всё ещё отмечено как основное.

При этом Словарь древнерусского языка И. И. Срезневского отмечает только одно значение для прилагательного *блудный* — ‘распутный’³. Точно так же Словарь обиходного языка Московской Руси даёт этому прилагательному только такие значения:

1. ‘Распутный, развратный’;
2. ‘Непристойный’⁴.

Подобную разницу в словарных толкованиях можно попытаться объяснить, опираясь на теорию Б. А. Успенского о диглоссии в Древней Руси: «в течение многих веков в России функционировали два языка — церковнославянский и древнерусский... В случае диглоссии функции двух сосуществующих языков находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в одноязычном коллективе. При этом речь идёт о существовании книжного языка, связанного с письменной

¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / Гл. ред. И. С. Улуканов. Т. I. М., 1988. С. 235.

² Там же. С. 237.

³ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. Т. I. М., 1989. С. 117.

⁴ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1. СПб., 2004. С. 191.

традицией... и книжного языка, связанного с обыденной, повседневной жизнью»¹. Он отмечает, что «языковая ситуация Московской Руси в специальных лингвистических терминах должна быть определена не как ситуация церковнославянско-русского двуязычия в строгом терминологическом смысле этого слова, а как ситуация церковнославянско-русской диглоссии»².

Не все исследователи безоговорочно согласны со всеми аспектами данной гипотезы, к примеру, М. И. Шапир применительно к теории Б. А. Успенского пишет: «Как бы то ни было, все суждения о функционировании ‘живого древнерусского языка’ остаются пока на правах гипотезы и не могут считаться достаточным основанием серьёзной научной концепции»³.

Тем не менее при помощи теории диглоссии можно объяснить исторические изменения семантики в слове *блудный* и различающиеся словарные толкования. Можно предположить, что древняя семантика ошибки, заблуждения была основной и долгое время функционировала в разговорном языке Древней Руси, что и отразилось в словаре древнерусского языка XI–XIV вв. Значение слова совпадало со значением его омонимичного парного прилагательного в словацком языке. Впоследствии у *блудный* появляется побочная семантика разврата, распутства (что отразилось в словаре И. И. Срезневского), которая поначалу не перекрывала исконное древнее значение ‘ошибочный’, а существовала параллельно, в основном проявляясь тогда, когда слово *блудный* и однокоренные с ним употреблялись в рамках книжного языка, т. е. в случаях использования церковнославянского.

Впоследствии, около XV–XVI вв., новое, «книжное» значение слова *блудный*, связанное с развратом и распутством, всё-таки получает статус

---

¹ Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. С. 24.

² Успенский Б. А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языка // Византия и Русь. М., 1989. С. 206.

³ Шапир М. И. Теория ‘церковнославянско-русской диглоссии’ и её сторонники // Russian Linguistics. Вып. 13. М., 1989. С. 273.

основного, вытесняя более древнее и более «разговорное» значение. При этом семантика блуждания, ложного пути, ошибки всё-таки сохраняется на тот момент времени как вторичное, к примеру, в слове *блудить*¹, а также в устойчивом выражении *блудный сын* и его вариациях, где, как нам кажется, семантика гораздо ближе к идее ошибочности, заблуждения (пусть и не в прямом, а несколько более абстрактном смысле), чем к значению разврата.

Слово *блудный* в Словаре русского языка XI–XVII вв. объясняется как определение к существительному *блуд* в значении ‘распутный’, ‘развратный’, ‘непристойный’, ‘достойный осуждения’².

Очевидно, что семантика разврата, непристойности, которая появилась у прилагательного *блудный* и однокоренных ему слов, сохранилась у них и до настоящего времени, что подтверждается данными Национального корпуса русского языка, несмотря на то что слово *блудный* отмечено в толковых словарях современного русского языка как устаревшее. Хотя устойчивое выражение *блудный сын* и сохранило в себе древнее значение ошибки, ложного пути, так же как и некоторые однокоренные слову *блуд* слова (например, *блуждать* или *заблуждение*), прилагательное *блудный* всё-таки не имеет той же семантики в современном русском языке. Это позволяет называть его межъязыковым омонимом словацкого прилагательного *bludný*.

2.3. Группа омонимов раннего изменения значений

Вторая группа омонимичных пар объединяет прилагательные, чьё синкретичное значение расщепилось в ранний период, и значения русского и словацкого слов различаются с самой древности. Эти данные отслеживаются либо по материалам этимологических словарей русского и словацкого языка, где отчетливо видно, что значения разошлись рано, либо по материалам исторических словарей русского языка, охватывающих ранний период развития лексики, где прослеживается расхождение схожей семантики,

---

¹ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1. СПб., 2004. С. 190–191.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов. Вып. 1. М., 1975. С. 245–246.

которое также завершается рано, около XII–XIV вв.

К этой группе относятся следующие пары прилагательных-омонимов:

1. *властный* — *vlastný* (‘собственный’);
2. *знаменитый* — *znamenitý* (‘замечательный, превосходный’);
3. *ужасный* — *úžasný* (‘изумительный’);
4. *чёрствый* — *čerstvý* (‘свежий’).

Если обратиться к данным исторических словарей, можно увидеть, что значения некоторых пар слов в древности обладали схожей, очень близкой семантикой, что особенно отчетливо заметно, например, в паре *властный* — *vlastný* и на современном этапе развития языков. Современное словацкое значение ‘собственный’ раньше выражалось в слове *власть*. Его значения, отмеченные в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.¹, таковы:

1. Область, княжество, государство;
2. Владение, собственность;
3. Власть, господство, владычество;
4. Право, возможность что-л. делать;
5. Лица, облечённые властью.

В указанный период времени у существительного *власть* отчётливо прослеживается семантика обладания, собственности, которая впоследствии ушла с главенствующей позиции, но сохранилась в словацком языке как в существительном *vlast*, так и в прилагательном *vlastný* по сей день.

Вторую группу прилагательных, развивавшихся в рамках одной тенденции, можно условно назвать *группой раннего изменения*.

2.3.1. Омонимичная пара *властный* — *vlastný*

Из данной группы детально рассмотрим пару омонимов *властный* — *vlastný*.

Это слово (в форме *власный*) М. Фасмер определяет как

---

¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / Гл. ред. И. С. Улуканов. Т. I. М., 1988. С. 444.

‘собственный’¹. Материал других славянских языков, приводимый в словаре, показывает, что именно это значение и является древнейшим.

Значение древнерусского слово *волость* М. Фасмер указывает как ‘область’, ‘территория’, ‘государство’, власть’. Семантика этого же слова в болгарском, сербохорватском и словенском ближе к древнейшей — «владение», «собственность». При этом чешский, словацкий и латышский варианты его Фасмер трактует как «государство, родина»². Все эти значения связаны между собой, но есть все основания предполагать, что именно «собственность» является среди них первоначальным.

Значения существительного *власть* в словаре древнерусского языка XI–XIV вв., как уже было указано в предыдущем разделе, распределены так³:

1. Область, княжество, государство;
2. Владение, собственность;
3. Власть, господство, владычество;
4. Право, возможность что-л. делать;
5. Лица, облечённые властью.

Хотя семантика «область» и «владение», «собственность» всё ещё отмечены у существительного как основные, семантика прилагательного *властный* меняется: «имеющий законную силу», также прилагательное к *власть* в 3-м значении, т. е. «властвующий», «господствующий».

Прилагательное *властный*, судя по словарным данным, к XI–XIV вв. потеряло значение «собственный», т. е. уже тогда оно превратилось в межъязыковой омоним для своего парного словацкого слова *vlastný*.

В «Этимологическом словаре чешского и словацкого языка» Махека прилагательное определяется как ‘собственный’, ‘находящийся в чьей-то собственности’, а *vlast* — как ‘община’, ‘принадлежность’⁴.

Словацкое прилагательное *vlastný* сохранило древнейшую семантику и до современного этапа развития языка, тогда как его русская омонимичная

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х томах. Т. I. М., 1964. С. 36.

² Там же. С. 35.

³ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. И. С. Улукханов. Т. I. М., 1988. С. 444.

⁴ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957. С. 693.

пара потеряла её в достаточно ранний период. Существительное *власть* также лишилось своих исконных значений ‘область’, ‘собственность’ в относительно ранний период. Это подтверждается данными Словаря обиходного языка Московской Руси. В нём у слова *власть* выделены следующие значения:

1. Право подчинять, распоряжаться;
2. Политическое господство, управление государством;
3. Люди, облечённые властью;
4. Учреждения государственного и административного управления¹.

Очевидно, что семантика принадлежности чему- или кому-либо у слова *власть* здесь уже отсутствует.

Можно предположить, что в русском и словацком языке одна и та же семантика получила разные, даже противоположные оттенки. В словацком языке у слова *vlastný* идея «собственности» осталась практически нетронутой и реализовалась как идея чего-то, что принадлежит кому-либо, чем обладают, в смысле пассивного объекта, над которым производится «действие обладания». В русском языке семантика изменила направление развития в противоположную сторону: слово *властный* стало обозначать не что-то, что принадлежит, а кого-то, у кого есть право владеть принадлежащим, т. е. субъекта. Впоследствии это значение стало несколько более широким и, возможно, размытым.

2.4. Слова-исключения

Из рассмотренных омонимичных пар прилагательных не попадают в границы выделенных тенденций следующие:

1. *вкусный* — *vkusný* (‘изящный’);
2. *мыльный* — *mylný* (‘ошибочный’);
3. *шумный* — *šumný* (‘красивый’).

Изменения, произошедшие в значениях этих слов, не связаны с

---

¹ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1. СПб., 2004. С. 234.

дивергенцией некогда единой общей семантики слова. Межъязыковая омонимия в указанных парах прилагательных возникла либо в результате случайного совпадения изначально неродственных основ слов (как в случае с парой *мыльный* — *mylný*), либо в результате позднего заимствования побочного значения словацким языком (слова *vkusný* и *šitný*).

2.4.1. Омонимичная пара *вкусный* — *vkusný*

Опишем историю превращения слов *вкусный* — *vkusný* в межъязыковые омонимы. Словацкое слово *vkusný* в переводе на русский язык означает ‘изящный, эстетичный’.

Прилагательное *вкусный*, как и другие слова с корнем **kus*, такие как *кушать*, *вкусить*, *искусить* и т. д., является одним из древнейших заимствований из германских языков¹.

У слова *вкус* в современном русском языке есть несколько значений²:

1. ‘Ощущение, возникающее в результате раздражения рецепторов, расположенных на языке, мягком нёбе и задней стенке глотки различными веществами; способность ощущать такие воздействия — одно из пяти внешних чувств’.
2. ‘Качество, свойство пищи, ощущаемое при еде’.
3. ‘Аппетит, удовольствие, получаемое от еды’.
4. ‘Способность человека к эстетическому восприятию и оценке; развитое чувство прекрасного’.
5. ‘Склонность, интерес, пристрастие к чему-либо’.

Четвёртое значение наиболее соответствует значению словацкого существительного *vkus* (‘изящество’) и прилагательного *vkusný* — ‘изящный’.

Вкус в значении ‘чувство изящного’, как указывает Н. М. Шанский, появилось в русском языке только в конце XVIII в. как семантическая калька

¹ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. I. М., 1994. С. 156.

² Большой толковый словарь русского языка. С. 135.

с французского языка¹. Подробно об этом пишет В. В. Виноградов: «Рост тенденций к перевоплощению западноевропейских понятий в национальные формы русского языка, к подыскиванию соответствий европеизмам в самом русском языке свидетельствует, что процесс европеизации русского языка к концу XVIII в. продвинулся еще далее вглубь грамматического и семантического строя»².

В то время при усвоении западноевропейских понятий и переводе их на русский язык происходило семантическое приспособление русских слов к соответствующим французским словам. Таким образом, сфера значений русского слова сливалась с кругом значений французского, менялась смысловая структура русского слова, развивались отвлечённые и переносные значения, которые не вытекали непосредственно из семантической системы русского языка. Так французское слово *gout* повлияло на русское *вкус*. При этом уже к XIX в. новое значение этого слова и связанная с ним фразеология укоренились в русском литературном языке настолько, что славянофилы и приверженцы пуристических идей были вынуждены доказывать их национальную самобытность³.

То, что значение ‘чувство изящества’ отсутствовало у слова *вкус* вплоть до XVIII в., подтверждается данными исторических словарей. В словаре русского языка XI–XIV вв. его значения таковы⁴:

1. ‘Действие по глаголу *вкусити* (‘съесть, выпить что-либо’)’.
2. ‘Одно из пяти внешних чувств’.
3. ‘Качество, свойство пищи, ощущаемое при еде или питье’.
4. ‘Удовлетворение, наслаждение’.
5. ‘Искушение, алчба’.
6. ‘Укус’.

У прилагательного *вкусный* отмечены следующие значения:

1. ‘Прилагательное к слову *вкус* в его третьем значении (качество,

¹ Этимологический словарь русского языка / Гл. ред. Н. М. Шанский. Т. I. Вып. 3. М., 1968. С. 115.

² Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982. С. 177.

³ Там же. С. 178.

⁴ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / Гл. ред. И. С. Улукханов. Т. II. М., 1989. С. 154–156.

свойство пищи)’.

2. ‘Испытавший, познавший какое-либо чувство, ощущение’.

В словаре русского языка XI–XVII вв. у слова *вкусный* отмечено два значения: ‘вкусовой’ и ‘вкусный’¹.

О появлении слова *vkus* в словацком и чешском языке говорится в «Этимологическом словаре чешского и словацкого языка» В. Махека: «Заимствовано в чешский язык из русского языка Палацким в 1817 г. В словацкий язык затем перешло из чешского»².

Франтишек Палацкий — чешский историк, политик и деятель культуры, автор «Истории народа чешского в Чехии и Моравии»³.

Так, можно сказать, что заимствованное из русского языка слово *vkus* перешло в чешский и словацкий только в одном значении: ‘чувство изящного’, которое для русского слова *вкус* на тот момент являлось достаточно новым. В современном русском языке это значение реализуется преимущественно в сочетаниях типа *хороший вкус, тонкий вкус* и под.

При этом в современном русском языке, в отличие от словацкого и чешского, прилагательное *вкусный* не переняло нового значения, которое получило слово *вкус* в начале XVIII в. Вероятно, это связано с тем, что такие значения полисемантического слова *вкус*, как ‘качество’, ‘свойство пищи’, в сознании носителей русского языка главенствуют. Кроме того, в русском языке существуют прилагательные *изящный, изысканный* и т. п., а потому прилагательное *вкусный* не получило новой семантики, поскольку она стала бы избыточной.

В словацком языке значение ‘приятный на вкус’ выражается словом *chutný*, поэтому заимствованное слово *vkus* оказалось однозначным. Ранее в словацком языке вместо него использовалось слово *krasocit* (‘чувство прекрасного, эстетическое чувство’), ныне устаревшее⁴.

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов. Вып. 2. М., 1975. С. 204–205.

² Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. С. 693.

³ Лаптева Л. П. Чешский учёный XIX в. Франтишек Палацкий и его связи с русской наукой // Славяноведение. Вып. 2. М., 1999. С. 51–69.

⁴ Machek V. Указ. соч. С. 693.

Можно сказать, что новое на момент XIX в. заимствование *vkus* в значении ‘чувство изящного’ настолько хорошо прижилось в словацком и чешском языках, что и образованное от него прилагательное *vkusný* успешно закрепилось в значении ‘изящный’, в котором оно используется и поныне.

2.5. Выводы

Приведённые примеры иллюстрируют каждую из выделенных нами тенденций изменения семантики межъязыковых омонимов-прилагательных в словацком и русском языке. Наличие слов, не входящих ни в одну из групп, а также особенности развития значений слов в каждой конкретной паре омонимов подтверждают, что для более полной картины необходимо охватить большее количество материала.

Тем не менее выводы, полученные в данной работе на основании сравнительно небольшого количества рассмотренных лексем, показательны и могут наметить дальнейшие пути для более крупного и продуктивного исследования.

Глава III. Языковая картина мира в отражении межъязыковой омонимии

Картина мира — это образ, складывающийся в сознании людей, который не равняется чистому отражению окружающей реальности. Образ окружающего мира проходит через призму мышления отдельного человека или целой нации, создавая схему восприятия, которая существует и функционирует в реальности человеческого сознания. Языковую картину мира (ЯКМ) можно назвать преломлением национальной культуры в языке, под культурой подразумевая специфику мировосприятия конкретного народа, особенности его ментальности и способы её реализации.

«Понимание самобытной жизни народа и внутреннего строя отдельного языка, — писал В. фон Гумбольдт, — равно как степени его соответствия требованиям языка вообще, целиком зависит от умения увидеть своеобразие национального духа в его полноте. Ведь лишь оно, каким его создала природа и сформировали обстоятельства, определяет собою национальный характер... Язык есть орган внутреннего бытия... Он всеми тончайшими нитями своих корней сросся поэтому с силой национального духа, и чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего»¹.

3.1. Общая теория языковой картины мира

Вопросы взаимосвязи мышления, культуры и языка привлекают внимание лингвистов начиная с XIX века (работы И. А. Бодуэна де Куртене, В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни и др.). На современном этапе развития лингвистики мало у кого вызывает сомнения утверждение, что именно язык хранит в себе специфические, национально-обусловленные особенности той культуры, внутри которой он функционирует. Эти особенности могут проявляться в разных аспектах и на разных уровнях языка, что выводит проблематику языковой картины мира за пределы какой-то конкретной

---

¹ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 54.

лингвистической области и ставит её на пересечение многих сфер научного интереса.

На формирование языковой картины мира может влиять совокупность множества факторов: от социально-исторической ситуации до особенностей ландшафта. Эти и многие другие аспекты связи мышления и языка начали разрабатываться учёными в XX веке. Несмотря на то что интерес к данной проблематике возник в филологической научной среде гораздо раньше, темы, связанные с соотношением языка, культуры и мышления, долгое время находились на периферии исследовательского интереса. Систематических исследований в этой области практически не проводилось, пока лингвистика не вышла за пределы строгого структуралистского подхода.

Впервые понятие «картина мира» было употреблено в работе Л. Витгенштейна в связи с логикой и философией¹. Это широкое понятие используется во многих научных областях (к примеру, историческая или биологическая картина мира), но именно языковая картина мира обладает неким уровнем универсальности, поскольку затрагивает аспекты всего человеческого существования, как и любой язык оказывается всеобщим средством в любой области человеческой деятельности.

Понятие же «языковая картина мира» впервые было введено в научный оборот Л. Вайсгербером в его монографии «Родной язык и формирование духа»². Ключевую роль в формировании этого понятия для учёного сыграло научное наследие В. фон Гумбольдта, а именно такая его идея: «язык есть результат трёх воздействий: реальной природы объектов, субъективной природы нации и присущей самому языку специфической силы»³.

Осмысляя концепции Гумбольдта, Вайсгербер пишет: «язык как таковой — уже духовный мир, предстающий перед конкретным человеком как нечто объективное, но являющийся по отношению к познаваемому

---

¹ Витгенштейн Л. Избранные работы. М., 2005.

² Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993.

³ Humboldt W. von. Gesammelte Schriften. B., 1893. Bd. 1–16, vol. IV. S. 26.

субъективным, односторонним»¹.

О языке как способе познания реальности писали также учёные-лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф: «Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать реальность, не прибегая к помощи языка... На самом же деле “реальный мир” в значительной степени бессознательно строится на основании языковых норм данной группы»².

Несмотря на видимые различия в языковых картинах мира разных народов, вряд ли можно отрицать наличие у всех ЯКМ некоей общей основы, на которую впоследствии надстраиваются национально-специфические черты.

Одним из первых об общем фундаменте всех ЯКМ, а также о связи культуры, мышления и их конкретного преломления в языке писал Э. Сепир: «Язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собою переплетены; они в некотором смысле составляют одно и то же... Внутреннее содержание всех языков одно и то же — интуитивное знание опыта. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности, ибо эта форма, которую мы называем морфологией языка, не что иное, как коллективное искусство мышления, искусство, свободное от несущественных особенностей индивидуального чувства»³.

В работе Н. Б. Кориной упоминается как о наличии у всех людей общего, универсального набора ценностей в силу одинаковых механизмов мышления, присущим всем людям как биологическому виду, так и о разнице его реализации этого набора в языке каждой отдельно взятой культуры. Исследовательница упоминает такие понятия, как «добро», «зло», «польза», «вред», которые присутствуют во всех культурах, но при этом их смысловое наполнение в разных языках может отличаться даже до противоположности⁴.

Впоследствии к термину «Языковая картина мира» неоднократно

---

¹ Вайсгербер Й. Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. 1993. Вып. 2. С. 120.

² Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 135.

³ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 384.

⁴ Корина Н. Б. Национальная специфика пространственных моделей в языке и культуре (русско-словацкий аспект) // Вестник МГОУ. Вып. 52. №4, 2013. С. 3.

обращались учёные-лингвисты, и многие осмыслили его по-своему. Приведём несколько примеров. Заслуживает внимания, к примеру, подход Ю. Д. Апресяна. Особенность его методики заключается в реконструкции ЯКМ на основе анализа семантической стороны языковых фактов. Концепция Апресяна сосредоточивается на «наивной картине мира» и реконструкции «наивного» взгляда на мир. Основные положения этого подхода таковы¹:

1. Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации (= концептуализации) мира.

2. Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен.

3. Он «наивен» в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. При этом наивные представления отнюдь не примитивны.

Н. Ю. Шведова определяет ЯКМ как «выработанное вековым опытом народа, осуществляемое средствами языковых комбинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира»².

А. А. Зализняк понимает термин ЯКМ как совокупность представлений о мире, которые заключены в значении разных единиц языка, таких, как лексические единицы, устойчивые сочетания, синтаксические конструкции и др., которые складываются в единую систему взглядов или предписаний³.

В области изучения языковой картины мира важную роль сыграла концепция языковой ментальности, автором которой является В. В. Колесов. В ней заложено два ключевых понятия: концепт и ментальность. Согласно Колесову ментальность — это «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные и

---

¹ Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. Вып. 1. М., 1995. С. 38–39.

² Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» // Вопросы языкознания. Вып. 1. М., 1999. С. 15.

³ Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 206–207.

волевые качества национального характера в типичных его проявлениях»¹. Концепт же является основной единицей ментальности, это «исходный смысл, не обретший формы; сущность, явленная плотью слова в своих содержательных формах: в конструктивных, образе и символе, и в структурной — в понятии»².

Концепт соотносится с понятием так: «понятие есть приближение к концепту, это явленность концепта в одной из содержательных форм»³.

Соотношение «ЯКМ — понятие» и «ментальность — концепт» выражается таким образом: языковая картина мира обладает определённой, некоей чёткостью своих категорий. Понятие, являющееся основной единицей ЯКМ, также определено, оно имеет ясную форму и очерченные границы. Концепт же, будучи единицей ментальности, не определён, он не имеет формы, поскольку сам является формой. Понятие — это индивидуальное, конкретное выражение концепта, их соотношение похоже на соотношение инварианта и варианта: абстрактный инвариант — это концепт, а его множественные варианты — понятия.

Согласно такому соотношению ментальность, чьей единицей является концепт, лежит глубже, чем языковая картина мира. Она менее оформлена в чёткие рамки, но составляет собой определённый базис, на который накладывается ЯКМ.

Приведённых выше примеров определений языковой картины мира недостаточно, чтобы дать полноценный обзор разнообразных взглядов на этот термин в научном обиходе, тем не менее они ярко иллюстрируют, что проблемы ЯКМ были и остаются актуальными в лингвистике. Термин ЯКМ и связанные с ним понятия, идеи и концепции постоянно исследуются, переосмысливаются и дополняются.

На основе анализа нескольких определений языковой картины мира Н. С. Новикова и Т. Т. Черкашина выделяют несколько имманентных,

---

¹ Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2005. С. 15.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 20.

инвариантных признаков ЯКМ, так или иначе отмечающихся в каждом из рассмотренных ими определений¹:

1. Модель, схема восприятия действительности (иначе говоря, совокупность знаний);
2. Выработанная вековым опытом народа как результат познания;
3. Отражённая в языке;
4. Ориентирующая человека на определённое отношение к миру;
5. Изменчивая во времени;
6. Национально специфичная;
7. Наивная, в отличие от научной картины мира.

Всё вышеизложенное говорит, во-первых, о том, что все языковые картины мира обладают некими общими для всех ЯКМ, вне зависимости от национальных особенностей свойствами, набором признаков, а также понятий и ценностей, т. н. «ячеек», которые впоследствии получают индивидуальное, национально-специфически окрашенное заполнение.

Это заполнение, отношение, выражаемое в различных (двух или более) ЯКМ к одному и тому же понятию может быть или одинаковым, или похожим или же диаметрально противоположным — и именно в этом выражается специфика языковых картин мира каждой отдельно взятой нации или группы наций по отношению к другим ЯКМ.

В последнее время особой популярностью в научной среде пользуются работы по изучению особенностей и индивидуальных черт какой-то конкретной ЯКМ или же сопоставление нескольких языковых картин мира. В следующем параграфе будут рассмотрены некоторые работы, посвящённые изучению русской языковой картины мира в сравнении со словацкой и чешской ЯКМ.

---

¹ Новикова Н. С., Черкашина Т. Т. Языковая картина мира: доминанты ментальности. URL: <http://docplayer.ru/29285503-Yazykovaya-kartina-mira-dominanty-mentalnosti.html> (дата обращения: 16.03.2017).

3.2. Русская и словацкая языковые картины мира: сходство и различия

Каждая нация обладает своей особенной языковой картиной мира, поскольку реальность отражается в языке такой, какой она предстаёт перед человеком в его специфическом этнокультурном окружении. Особенности внешней жизни влияют на то, как образ окружающего мира преломляется в сознании отдельной персоны и целого народа.

Об изучении проблем, касающихся взаимосвязи языка и мышления в постсоветских странах, говорится, что, хотя исследования в этой области в последние десятилетия приобрели широкую популярность в России и других странах СНГ, в Словакии и Чехии они всё ещё остаются маргинальными. Лингвокогнитивная проблематика в этих странах пока изучается в основном в рамках психологии и философии¹.

При этом когнитивная лингвистика, в частности изучение вопросов, касающихся ЯКМ, быстро развивается и популяризируется в рамках общего роста междисциплинарных исследований: язык рассматривается в большей степени с позиции экстралингвистики, как результат процессов мышления человека, на который также оказывают влияние многочисленные факторы внешней среды².

Как уже было упомянуто ранее, во всех языковых картинах мира присутствуют некие общие основы, понятия и ценности, но при этом форма выражения отношения к этим понятиям, их семантическое наполнение может различаться от языка к языку в связи с индивидуальными особенностями жизни и развития каждой нации.

Об этом пишет Н. Б. Корина: «При всём многообразии населяющих Землю народов и их культур существуют общечеловеческие ценности, присутствующие в культуре любого народа, и универсальные понятия, выраженные в концептах — например, «жизнь», «смерть», «любовь»,

---

¹ Корина Н. Б. О некоторых доминантах национальной концептосферы русского и словацкого языков // Dialog kultur VI: sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference konané 18.- 19. ledna 2011 v Hradci Králové. Brno, 2011. S. 1.

² Там же.

«щедрость», «богатство», «бедность» и т. д. Однако семантическое наполнение данных концептов, стоящие за ними образы и их ассоциативные связи различаются у разных народов в силу отличий в их традиционном укладе жизни, религиозных предпочтениях, материальной и духовной культуре в целом. *Поэтому даже у генетически близких народов с родственными языками, где можно предполагать внешне подобную структуру концептосферы, обязательно будут наблюдаться отличия в смысловом наполнении отдельных концептов* в том месте, которое они занимают в языковой картине мира данного народа и, следовательно, в национальном языке [курсив наш. — Е. П.]»¹.

В ключе настоящей работы важно сделать акцент не на сходстве любых ЯКМ на уровне наличия у всех них набора определённых базовых концептов и понятий, а как раз на различии в их заполнении. Русская и словацкая ЯКМ, несмотря на генетическое родство этих славянских языков и относительную географическую близость стран, обладают достаточно яркими отличиями в некоторых областях своих ЯКМ, о чём подробнее будет сказано ниже.

Прежде чем приступить к обзору исследований, которые затрагивают сопоставление разных аспектов русской и словацкой ЯКМ, следует кратко рассмотреть отдельные работы, посвящённые основным чертам русской языковой картины мира, а также непосредственно функционированию прилагательных в рамках русской ЯКМ, поскольку именно прилагательные и являются предметом исследования в данной работе.

О важных семантических характеристиках русского языка, которые образуют его смысловой универсум и выражают национальный характер, писала А. Вежбицкая. Помимо ключевых для русской культуры понятий *душа, тоска и судьба*, она выделяла следующие признаки:

1. Эмоциональность — ярко выраженный акцент на чувствах и их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных

---

¹ Корина Н. Б. О некоторых доминантах национальной концептосферы русского и словацкого языков. С. 2.

оттенков;

2. «Иррациональность» (или «нерациональность») — в противоположность так называемому научному мнению, которое официально распространялось советским режимом; подчёркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни;

3. Неагенсивность — ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося её достичь, как контролёра событий;

4. Любовь к морали — абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла (и в других и в себе), любовь к крайним и категоричным моральным суждениям¹.

Указывается, что эти качества проявляются как в русском самосознании (в форме литературы или выражения философской мысли), так и в оценках людей, оценивающих русскую культуру с позиции наблюдателя, извне².

Каждый из этих четырёх признаков рассматривался более подробно как самой А. Вежбицкой, так впоследствии и другими учёными. К примеру, в работе Е. В. Падучевой исследуется признак неопределённости³ [который А. Вежбицкая называет неагенсивностью — *Е. П.*] и то, как он укоренился не только в лексике, но и в грамматической системе русского языка.

О функционировании прилагательных в русской ЯКМ говорится, к примеру, в исследовании Ю. А. Климовой. Утверждается, что категоризация является основой функционирования человеческого мышления и благодаря

---

¹ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 33–34.

² Там же. С. 34.

³ Падучева Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave. Problemi di morfosintassi delle lingue slave*. Padova, 1996. P. 1–13.

этой способности человек может существовать в мире природы, мысли и социума¹. Про качественные прилагательные исследовательница замечает: «одной из категорий, выражающих русскую этнокультурную доминанту восприятия, является класс имён прилагательных, репрезентирующих концепт “качество”... каждый язык, будучи уникальным этнокультурным феноменом, по-разному репрезентирует атрибутивную картину мира, поскольку каждый народ по-своему определяет свои культурологические доминанты... Концепт “качество”... для русской лингвокультуры является ключевым. Во многих языках прилагательное не выделяется как отдельная часть речи, имеющая свои морфологические и/или синтаксические характеристики [что, впрочем, неактуально для русского и словацкого — *Е. П.*]»².

Особое место, которое прилагательные занимают в грамматической структуре русского языка, свидетельствует, что его носители интерпретируют и воспринимают мир через совокупность признаков его отдельных фрагментов, таким образом формируя его атрибутивный портрет. Имя прилагательное — одна из древнейших грамматических категорий в русском языке, и концепт «качество», который лежит в основе этого класса слов, является одним из важнейших для русской ментальности³.

Качественные прилагательные обозначают признаки, свойственные окружающему миру. При этом важно, что способ интерпретации этих признаков, закреплённый в конкретной языковой картине мира, и то, насколько разработана в ней система оценки реальности при помощи различных языковых средств, во многом зависит от особенностей культуры, к которой принадлежит человек, говорящий на том или ином языке.

Существует немало исследований, посвящённых сравнению отдельных аспектов русской и словацкой ЯКМ. Кратко коснёмся некоторых из них.

Одно из отличий словацкой и русской языковых картин мира

---

¹ Климова Ю. А. Русские имена прилагательные: атрибутивная картина мира // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Вып. 31. СПб., 2008. С. 122.

² Там же. С. 123.

³ Там же. С. 124.

выражается в функционировании в русских и словацких поговорках и фразеологизмах понятий «*широта*» и «*высота*». В работе Н. Б. Кориной¹ доказывалось влияние фактора ландшафта среды обитания (геоморфологический фактор) на формирование определённого типа этноязыкового сознания, что получает выражение во фразеологических единицах словацкого и русского языков. Если русское национальное самосознание формировалось в ландшафтном окружении равнин и широт, то словацкое — в окружении гор. «... Само понятие широты в русской ментальности синонимично безграничности, бесконечности и сложно поддаётся выражению средствами того языка, чья ментальность тяготеет к детерминированности. Именно таким языком является словацкий, в котором на первое место выступают вертикальные пространственные модели»². О влиянии внешней среды обитания на формирование внутреннего мира человека, его ментальности, упоминалось во многих исследованиях: «Модели физического пространства заимствуются как образцы осмысления при постижении явлений внутреннего, психического мира человека... Внутренний, духовный мир человека естественным образом “конструируется” в сознании по аналогии с внешним, а потому и различные форматы концептуализации результатов познавательной деятельности интерпретируются через вписанность в разные пространственные модели»³.

Исследовательница сравнивает фразеологизмы обоих языков с максимальным семантическим соответствием и приходит к выводу, что в русском языке фразеологическая единица скорее будет указывать на широту, а в словацком — на высоту (к примеру: *жить на широкую ногу* — *Žiť na vysokej nohe* (*жить на высокой ноге*))⁴.

Выводы, которые исследовательница делает на основании результатов нескольких работ, посвящённых этой проблематике, таковы:

---

¹ Корина Н. Б. Влияние геоморфологических факторов на формирование языковой картины мира (русско-словацкий аспект) // *Opera Slavica, slavistické rozhledy*. Roč. 23, č. 2. 2013. С. 16–22.

² Там же. С. 19.

³ Порядина Р. Н. Духовный мир в образах пространства // *Картины русского мира: Пространственные модели в языке и тексте*. Томск, 2007. С. 13–14.

⁴ Там же. С. 20.

1. При генетически обусловленной формальной аналогичности концептосфер русского и словацкого языков в их структуре наблюдаются отличия, обусловленные национально-культурной спецификой языковой картины мира (ЯКМ).

2. Данные отличия связаны с преобладанием вертикальных пространственных моделей в словацкой ЯКМ и горизонтальных — в русской ЯКМ, что приводит к формированию различных пространственно ориентированных когнитивных доминант в каждом из языков.

3. В словацкой ЯКМ вертикальные модели пространственного восприятия часто основаны на дендрологической метафоре¹.

Восприятию времени в русской языковой картине мира по сравнению с чешской ЯКМ и того, как это восприятие выражается в грамматической системе языка, посвящена работа Е. В. Петрухиной. Если русский язык в отражении динамических явлений тяготеет к определению границы, предела, и это является одной из семантических доминант русской языковой картины мира, то в чешском языке превалирует скорее выражение нерасчленённости начала и конца действия, действие воспринимается и выражается как более целостная, неделимая структура². «Расхождения в фазисно-временной семантике русских и чешских делимитативов определяются различным представлением конечной границы действия: в русском языке конечный предел выражает, как правило, прекращение действия, в чешском же он указывает лишь на границу интервала, заполненного действием»³.

С точки зрения морфологии это выражается наличием в обоих языках омонимичных аффиксов с неодинаковой семантикой. «В русском и чешском языках имеются сходные дериваты, образованные по модели на- ся, па- се, имеющие существенные различия в семантике, которые касаются разной представленности предельного момента в состоянии производителя

---

¹ Корина Н. Б. К вопросу о когнитивной оценке пространственных моделей в языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 10. Томск, 2013. С. 160–161.

² Петрухина Е. В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные заседания. СПб., 2003. С. 426–433.

³ Там же. С. 428–429.

деятельности и, соответственно, в развитии самой деятельности. В русских глаголах он выражен как смысл “достижение определённого состояния удовлетворения или пресыщения”, в семантике чешских глаголов данный смысл не актуализирован, чтобы его выразить, надо использовать специальные лексические средства, выражающие этот предел (например, *dost* — достаточно)»¹.

Существуют также работы, посвящённые выражению побуждения в русском и чешском языках, различным способам его актуализации и связи особенностей побудительной модальности с ЯКМ исследуемых языков. К примеру, один из выводов, полученных в работе А. И. Изотова, свидетельствует, что в чешской ЯКМ приказ является менее авторитарным, чем в русской. Это связано с тем, что для носителя чешского языка в приказе большую роль играет признак высокой степени вероятности каузируемого действия, а для носителя русского языка более важным оказывается признак высокой степени обязательности каузируемого действия. Из-за этого требование, которое характеризуется высокой степенью обязательности каузируемого действия по отношению к тому, к кому обращено высказывание, и низкой степенью его вероятности, в русской ЯКМ сильнее связано с приказанием, а в чешской — с просьбой². Исследование показывает, что для побудительных высказываний в современном чешском языке характерна неоднозначность и неопределённость, тогда как в русском языке это выражается в куда более меньшей степени³.

Краткий обзор исследований нацелен на то, чтобы продемонстрировать, что русская и словацкая ЯКМ, несмотря на генетическое родство языков, относительную географическую близость стран и формальное сходство концептосфер словацкого и русского, обладают значительными отличиями, которые обусловлены национально-специфическими особенностями развития обеих культур. Кроме того,

---

¹ Петрухина Е. В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской). С. 429.

² Изотов А. И. Побудительная модальность как зона асимметрии русской и чешской языковых картин мира // Вестник Оренбургского государственного университета. Вып. 11. Оренбург, 2012. С. 80.

³ Там же. С. 83.

количество уже существующих работ на эту тему демонстрирует, во-первых, актуальность данной проблематики и, во-вторых, наличие широких возможностей для её дальнейшей разработки и изучения.

3.3. Связь языковой картины мира с механизмом развития межъязыковой омонимии

На основании анализа исследуемых межъязыковых омонимов можно сделать несколько общих выводов относительно специфики развития межъязыковой омонимии в русском и словацком языках.

Изученный материал демонстрирует, что прилагательные русского языка чаще, чем их словацкие аналоги тяготеют к изменению семантики по внутренним языковым причинам — вне зависимости от того, происходит это рано или поздно. Словацкие прилагательные же больше тяготеют к сохранению своих древних, исконных значений. В случае изменения их изначальной семантики причины чаще связаны с явным влиянием экстралингвистических факторов (как произошло со словом *vkusný*, чьё новое значение ‘изысканный’ было перенесено в чешский, а впоследствии и в словацкий языки одним конкретным человеком, и словом *šumný*).

При этом русские прилагательные тоже подвержены влиянию экстралингвистических факторов (как произошло в случае с изменением семантики слова *bludný*, если исходить из предложенной нами ранее гипотезы), но рассмотренный материал свидетельствует о том, что в русском языке таких случаев несколько меньше.

Если семантика словацкого слова изменялась без очевидного влияния на него экстралингвистических факторов, как в случае с прилагательными *úžasný* (‘изумительный’) и *čerstvý* (‘свежий’), то это происходило, по материалам этимологических и исторических словарей, в такой древний период, когда семантика слов ещё была синкретична (нередко совмеща в себе противоположные значения, как видно на примере вышеуказанных лексем), и с высокой степенью вероятности утверждать, какое из имеющихся

значений является исконным, а какое — производным, не представляется возможным.

Прилагательные русского языка, значение которых отдаляется от словацкого с течением времени, нередко приобретают оттенок оценочности, экспрессивности, отсутствующий в изначальной семантике древней лексемы. К примеру, так произошло в словах *позорный*, *наглый*, *поразительный* и *властный*. В их словацких аналогах оценочность либо отсутствует изначально, как в слове *vlastný* ('собственный'), т. е. с изменением значения происходит переход прилагательного из разряда относительных в качественные, либо присутствует, но выражает экспрессию в меньшей степени, как в случаях с прилагательными *náhly* ('крутой, неожиданный'); *pozorný* ('внимательный'); *poraziteľný* ('побеждаемый').

В этих трёх случаях в русских прилагательных очевидно появляется эмоционально-экспрессивная окраска, отсутствующая у их словацких соответствий.

В слове *наглый*, ранее выражавшем только значение внезапности, которое, хотя и являлось оценочным, не несло в себе ярко выраженной экспрессии, а также могло применяться по отношению к чему угодно, в т. ч. к неодушевлённому (как в случае с устаревшим фразеологизмом 'наглая смерть', подробнее о котором было сказано ранее), появляется новый оттенок значения ('дерзкий', 'бесстыдный'), который несёт в себе куда большую эмоциональность, и эта дополнительная оценочность сужает круг использования прилагательного в его новом значении (*наглый* как 'дерзкий' может употребляться скорее только по отношению к одушевлённому субъекту).

Подобным образом произошло и изменение семантики слов *позорный* и *поразительный*, только в последнем случае новоприобретённая оценочность несёт не негативный, а скорее положительный оттенок.

Изменение значения с негативной эмоциональной окраской в противоположную сторону произошло в прилагательном *лакомый*.

Словарь русского языка XI–XVII вв. указывает на несколько значений слова *лакомый*¹, из которых все кроме последнего так или иначе приближены к современному значению словацкого прилагательного *lakomý*:

- I. Жадный к еде, невоздержанный вообще;
- II. Алчный, корыстолюбивый;
- III. Невоздержанный, неумеренный, распутный человек;
- IV. Вкусный, заманчивый.

Исследователи связывают этимологию глагола *лакати* с *алкати* (праславянское *olkati), что родственно литовскому слову *alkti* ‘голодать, жаждать’; латышскому *alkstu* ‘испытывать голод, изнывать от тоски’ и т. д.². Эта этимология объясняет развитие древнего значения, связанного с идеей голода, жадности, которое осталось таким и в современном словацком языке — тяготеющему, как было упомянуто выше, к сохранению исконной семантики слов.

Перестановка и выдвижение вперёд периферийного значения ‘вкусный, заманчивый’, в котором *лакомый* употребляется в современном русском языке, по всей видимости, произошло в XVIII в.³.

Причины данной семантической перестановки у прилагательного требуют дополнительного изучения, источники не дают прямого указания на очевидное влияние каких-либо экстралингвистических факторов, форсировавших данное изменение, благодаря которым периферийное значение лексемы выдвинулось на первый план.

При этом очевидно, что все указанные выше значения слова *лакомый*, приведённые в Словаре русского языка XI–XVII вв., так или иначе обладают выраженной оценочностью, с отрицательным или положительным оттенком. Можно сказать, что вне зависимости от наличия эмоционально-экспрессивного оттенка у словацкой лексемы и у её более древнего русского аналога с идентичным или очень близким значением, русское прилагательное

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Ф. П. Филин. Вып. 8. М., 1981. С. 166.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. II. М., 1967. С. 453.

³ Словарь русского языка XVIII в. Вып. 11. СПб., 2000. С. 111.

тяготеет к тому, чтобы эту оценочность приобретать, видоизменять в результате перестановки периферийных и основных значений слова или по крайней мере не терять, если оценочность наличествует в более раннем варианте прилагательного.

Представляется, что словацкие лексемы проявляют тенденцию к большей открытости к заимствованию новых значений из других языков. В двух случаях (слова *vkusný* и *šumný*) на семантику прилагательных повлияли явные экстралингвистические факторы: в первом случае новое значение слова было приобретено благодаря конкретному человеку (см. раздел 2.4.1.), во втором — заимствовано из польского языка.

Подробнее об этом говорится в «Этимологическом словаре чешского и словацкого языка» В. Махека: «*šumný*... Заимствовано из польского, где в своё время возникло как модное слово своей эпохи... которое и в русском языке имеет (кроме ‘производить шум’) переносное значение ‘вызывать шумиху, сенсацию’. У нас, где основное слово этого значения не имеет, *šumný* этот эмоциональный и модный оттенок (‘*sensační*’) не получило»¹.

---

¹ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. С. 630.

Заключение

Разнообразие мнений и точек зрения, касающихся понятия межъязыковой омонимии, свидетельствует о том), что в сопоставительной лингвистике до сих пор не существует чёткого, непротиворечивого и общепринятого определения этого понятия.

Межъязыковая лексическая омонимия имён прилагательных в русском и словацком языках, явившаяся предметом исследования в настоящей работе, предполагала рассмотрение путей расхождения семантики в этих словах и определение основных тенденций и закономерностей их развития и изменения.

Исследовались исторически родственные слова, восходящие к одному этимону. В 20 парах таких омонимов было рассмотрено их развитие, начиная с древнейшего периода, когда их значение ещё было синкретично, до современного состояния, когда оно разошлось по ряду причин. Рассмотрение развития и дивергенции семантики анализируемых слов проводилось на основании данных толковых, исторических и этимологических словарей.

Исследование показало, что прилагательные русского языка чаще изменяют своё исконное значение в тот или иной период, а словацкие лексемы скорее склонны к тому, чтобы сохранять древнюю семантику вплоть до современного состояния языка. В развитии и изменении семантики прилагательных русского языка чётко выделяются несколько тенденций: первая охватывает слова, сохраняющие исконную семантику очень долго, а после (приблизительно в XVII–XVIII вв.) резко меняющие её; вторая тенденция охватывает слова, значения которых меняются раньше, около XI–XIV вв.

Лексика словацкого языка, с одной стороны, тяготеет к сохранению исконных значений, но, с другой стороны, оказывается более открытой, чем лексика русского языка, к влиянию экстралингвистических факторов, в том числе заимствованиям из других языков.

Русские прилагательные при этом чаще изменяют свою семантику с течением времени, но, как показывает исследование, на это скорее влияют внутренние механизмы развития слова, в том числе это может быть связано с приобретением русскими лексемами дополнительной экспрессивности.

Выделенные в данной работе тенденции и сделанные выводы не претендуют на исчерпывающее описание системы развития семантики межъязыковых омонимов, но настоящее исследование открывает простор для дальнейшего, более масштабного анализа проблематики, а также намечает основные пути развития и изменения значений межъязыковых омонимов-прилагательных в русском и словацком языках.

Список литературы

I. Научная литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974.
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. Вып. 1. М., 1995. С. 37–67.
3. Аркадьева Т. П. Этимологические связи слов и закономерности их изменения. Л., 1988.
4. Арнольд И. В. Метаязык и концептуальный аппарат компонентного анализа // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 5. Л., 1985. С. 3–10.
5. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1965.
6. Будагов Р. А. История слов в истории общества. М., 1971.
7. Будагов Р. А. Проблемы развития языка. М., 1965.
8. Булаховский Л. А. Об омонимии в славянских языках. Избранные труды. Славистика. Русский язык. Киев, 1978.
9. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993.
10. Вайсгербер Й. Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. Вып. 2. М., 1993. С. 114–124.
11. Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии. М., 1965.
12. Варина В. Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 240–252.
13. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
14. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959.
15. Виноградов В. В. Об омонимии и смежных с ней явлениях // Вопросы языкознания. Вып. 5. М., 1960. С. 13–25.
16. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982.

17. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М., 1972.
18. Витгенштейн Л. Избранные работы. М., 2005.
19. Влчек Й. Чешско-русские омонимы: высшая стадия лексической интерференции. София, 1975.
20. Готлиб К. М. К вопросу о так называемых междязычных омонимах // Германские языки. Новосибирск, 1967. С. 242–251.
21. Готлиб К. М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика». М., 1972.
22. Грабчиков С. М. Межъязыковые омонимы и паронимы (опыт составления словаря). Минск, 1980.
23. Гросбарт З. О русских и польских словах, близких по звучанию разных по значению («межъязыковые омонимы») // Материалы третьего международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма. М., 1962. С. 448–459.
24. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
25. Журавлев А. И., Захаров С. С. «Ложные друзья» переводчика с чешского языка. М., 1977.
26. Залевская А. А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. Калинин, 1979.
27. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
28. Изотов А. И. Побудительная модальность как зона асимметрии русской и чешской языковых картин мира // Вестник Оренбургского государственного университета. Вып. 11. Оренбург, 2012. С. 78–83.
29. Климова Ю. А. Русские имена прилагательные: атрибутивная картина мира // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Вып. 31. СПб., 2008. С. 122–127.
30. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2005.

- 31.Корина Н. Б. Влияние геоморфологических факторов на формирование языковой картины мира (русско-словацкий аспект) // Opera Slavica, slavistické rozhledy. Roč. 23, č. 2. 2013. S. 16–22.
- 32.Корина Н. Б. К вопросу о когнитивной оценке пространственных моделей в языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 10. Томск, 2013. С. 159–162.
- 33.Корина Н. Б. Национальная специфика пространственных моделей в языке и культуре (русско-словацкий аспект) // Вестник МГОУ. Вып. 52. №4. 2013. С. 1–9.
- 34.Корина Н. Б. О некоторых доминантах национальной концептосферы русского и словацкого языков // Dialog kultur VI: sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference konané 18.–19. ledna 2011 v Hradci Králové. Brno, 2011. S. 1–13.
- 35.Лаптева Л. П. Чешский учёный XIX в. Франтишек Палацкий и его связи с русской наукой // Славяноведение. Вып. 2. М., 1999. С. 51–69.
- 36.Лобковская Л. П. О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина «ложные друзья переводчика») // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 20. Челябинск, 2012. С. 79–87.
- 37.Малаховский Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии. Л., 1990.
- 38.Маркова Е. М. Типология конвергентно-дивергентных отношений единиц праславянского лексического фонда в русском языке: автореф. дис. ... д. филол. наук. М., 2006.
- 39.Новикова Н. С., Черкашина Т. Т. Языковая картина мира: доминанты ментальности. URL: <http://docplayer.ru/29285503-Yazykovaya-kartina-mira-dominanty-mentalnosti.html> (дата обращения: 16.03.2017).
- 40.Падучева Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave. Problemi di morfosintassi delle lingue slave. Padova, 1996. P. 1–13.

- 41.Петрухина Е. В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные заседания. СПб., 2003. С. 426–433.
- 42.Пешковский А. М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. М., 1925.
- 43.Порядина Р. Н. Духовный мир в образах пространства // Картины русского мира: Пространственные модели в языке и тексте. Томск, 2007. С. 11–77.
- 44.Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
- 45.Правда Е. А. Межъязыковые проксиматы в параллелях сербского и русского, словацкого и русского языков: типы проксиматов // Вестник Воронежского государственного университета. Вып. 1. Воронеж, 2010. С. 127–131.
- 46.Ревзин И. И. Метод моделирования и типологии славянских языков. М., 1967.
- 47.Реформатский А. А. Введение в языковедение / Гл. ред. В. В. Виноградов. М., 2000.
- 48.Рыльский М. Ф. Мистецтво перекладу. Київ, 1956.
- 49.Селиванов Г. А. Языковые контакты и проблема межъязыковой омонимии (гетеронимии) // Вопросы русского и славянского языкознания: Сб. статей. Иваново, 1976. С. 116–126.
- 50.Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- 51.Сорокин Ю. С. Что такое исторический словарь // Проблемы исторической лексикографии. Л., 1977. С. 5–23.
- 52.Супрун А. Е. Лексическая типология славянских языков. Минск, 1983.
- 53.Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 135–168.
- 54.Урядов Г. Словацко-русский словарь ложных друзей переводчика. URL: http://38-yazikov-besplatno.ru/yazyki_i_yazykoznanie/slovackiy_yazyk/slovari_i_razgovorniki_826/22556-post.html

55. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв). М., 2002.
56. Успенский Б. А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковно-славянского и русского языка // Византия и Русь. М., 1989. С. 206–226.
57. Хуцишвили С. Д. Славянские межъязыковые омонимы: дис. ... д. филол. наук. Тбилиси, 2010.
58. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964.
59. Шапир М. И. Теория 'церковнославянско-русской диглоссии' и её сторонники // Russian Linguistics. Вып. 13. М., 1989. С. 271–309.
60. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» // Вопросы языкознания. Вып. 1. М., 1999. С. 3–16.
61. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958.
62. Humboldt W. von. Gesammelte Schriften. В., 1893. Bd. 1–16, vol. IV.
63. Kœessler M., Derocquigny J. Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais, Paris, 1928.

II. Справочная литература

1. Акуленко В. В. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». М., 1969.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. II. СПб., 1881.
4. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.

5. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / Гл. ред. И. С. Улукханов. М., 1988; и посл.
6. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1. СПб., 2004.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов (Вып. 1–6), Ф. П. Филин (Вып. 7–10), Д. Н. Шмелёв (Вып. 11–14), Г. А. Богатова (Вып. 15–26). М., 1975–2002.
8. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 13. СПб., 2003.
9. Словарь современного русского языка / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов, Ф. П. Филин. М., 1958.
10. Словацко-русский словарь / Гл. ред. Д. Коллар, В. Доротьякова, М. Филкусова, Е. Васильева. М.; Братислава, 1976.
11. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. Т. II. М., 1989.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1973.
13. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. I. М., 1994.
14. Этимологический словарь русского языка / Гл. ред. Н. М. Шанский. Т. I. Вып. 3., М., 1968.
15. Этимологический словарь славянских языков: праславянский фонд / Гл. ред. О. Н. Трубачев. М., 1974.
16. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Приложение

Список пар русско-словацких межъязыковых омонимов

1. беспечный — bezpečný ‘безопасный, достоверный’
2. бесценный — bezcenný ‘ничего не стоящий, малоценный’
3. блудный — bludný ‘ошибочный’
4. быстрый — bystrý ‘хитрый, зоркий’
5. винный — vinný ‘виновный’
6. вкусный — vkusný ‘изящный’
7. влажный — vlažný ‘чуть тёплый, безразличный, равнодушный’
8. властный — vlastný ‘собственный’
9. выбитый — vybity ‘разряжённый’
10. выборный — výborný ‘великолепный’
11. выходной — východný ‘восточный’
12. гласный — hlasný ‘громкий’
13. громадный — hromadný ‘массовый, совместный’
14. дутый — dutý ‘полый’
15. животный — životný ‘жизненный, одушевлённый’
16. заводной — závodný ‘заводской, гоночный, беговой’
17. зарытый — zarytý ‘заядлый’
18. знаменитый — znamenitý ‘замечательный, превосходный’
19. красный — krásny ‘красивый’
20. лакомый — lakomý ‘жадный, скупой’
21. мыльный — mylný ‘ошибочный’

22. наглый — náhly ‘крутой, неожиданный, поспешный’
23. нарочный — náročný ‘требовательный, взыскательный, трудный’
24. обильный — obilný ‘хлебный, зерновой’
25. обратный — obratný ‘ловкий’
26. платный — platný ‘действительный’
27. позорный — rozorný ‘внимательный’
28. поразительный — poraziteľný ‘побеждаемый’
29. пресный — presný ‘аккуратный, точный, чёткий’
30. преступный — priestupný ‘високосный’
31. прикладной — príkladný ‘примерный’
32. пышный — rušný ‘гордый, высокомерный, надменный’
33. развратный — rozvratný ‘вредительский, подрывной’
34. раздельный — rozdielny ‘разный, различный’
35. разный — rózny ‘энергичный, решительный’
36. ранний — ranný ‘утренний’
37. рыхлый — rýchly ‘быстрый’
38. сладкий — sladký ‘пресный’
39. смутный — smutný ‘печальный’
40. спокойный — spokojný ‘довольный, самодовольный, спокойный’
41. суровый — surový ‘сырой, грубый, необработанный’
42. ужасный — úžasný ‘изумительный’
43. умелый — umelý ‘искусственный, синтетический’
44. хитрый — chytrý ‘мудрый, умный’
45. чёрствый — čerstvý ‘свежий’

46. честный — čestný ‘почётный’

47. чинный — činný ‘деятельный, активный’

48. шумный — šumný ‘красивый’